

АВ 5770

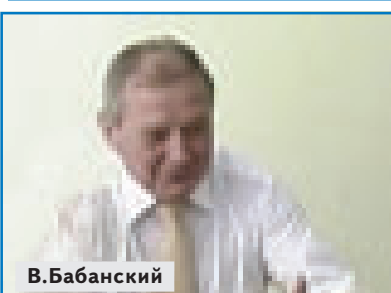
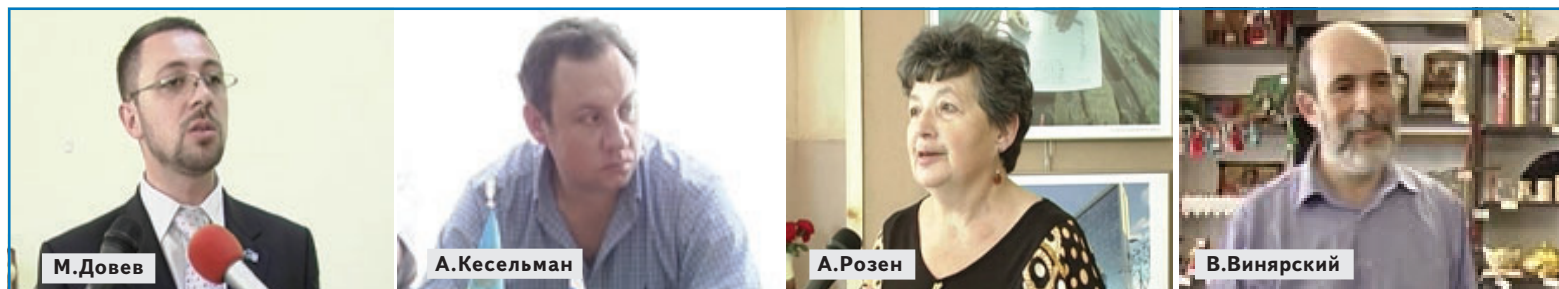
46

ИЮЛЬ 2010

ГАЗЕТА БФ "ХЕСЕД ШААРЕЙ ЦИОН"
ОДЕССА

Балта: фестиваль - 2010

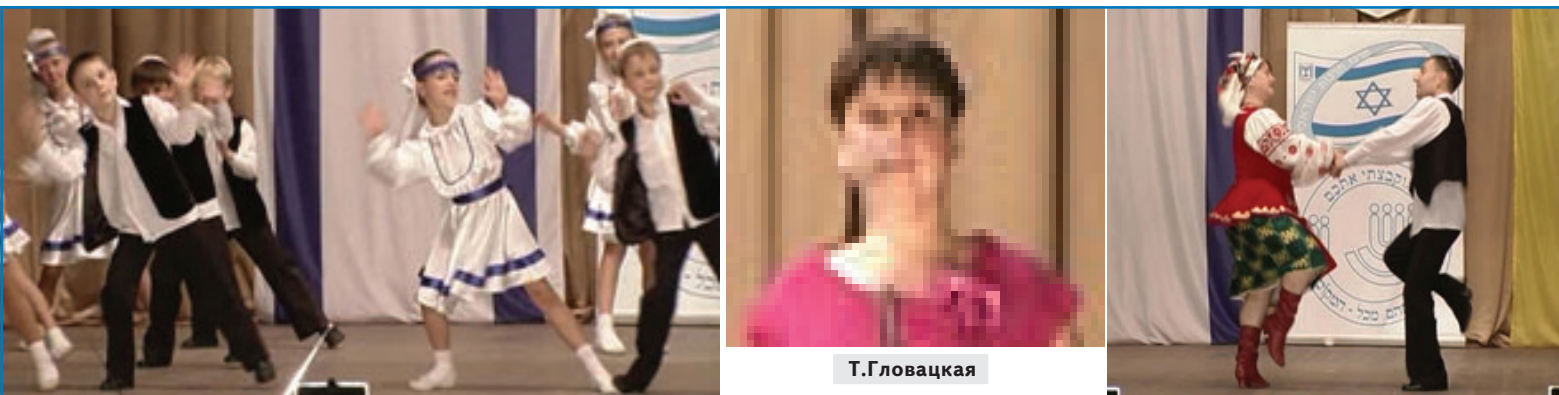

Балта — удивительный город. Он вобрал в себя обычаи людей многих национальностей, культур и религий. В низовье реки Кодымы на протяжении многих столетий жили рядом украинцы, поляки, русские, молдаване, греки, армяне, евреи и многие другие. Тогда и была заложена основа этноса, который сохранился до наших дней. Кроме костела в городе было возведено две церкви, 17 еврейских

молитвенных домов и синагог. Были в Балте времена, когда почти 80% жителей города составляли евреи.

Это были лучшие времена Балты, когда она стала большим торгово-ремесленным центром юга Украины. И наш город до сих пор называют еврейским местечком.

Окончание на стр. 2

Т.Гловацкая

73 дня, 69 лет

5 августа 1941 года началась героическая оборона Одессы и продолжалась 73 дня. Стой поры Воронцовского маяка. Выразим же мы прошло уже 69 лет, но мы живем рядом с теми, для защитникам Одессы нашу искреннюю которых оборона Одессы — не история, а страница благодарности и наши добрые пожелания, не биографии, отмеченная медалью с изображением дожидаясь круглой даты.

Зенитная батарея на Соборной площади. 1941 г.

На Одесском направлении противник сосредоточил 4-ю румынскую армию численностью до 300 тысяч человек и отдельные немецкие подразделения. В начале августа в первом эшелоне вели наступление 1-я гвардейская, 3-я и 7-я пехотные румынские дивизии, части 72-й немецкой пехотной дивизии. Во втором эшелоне находились еще пять пехотных дивизий и одна кавалерийская бригада.

Вражеским войскам противостояла Приморская армия. В ее составе к началу обороны были 25-я Чапаевская и 95-я

Молдавская стрелковые дивизии. Город защищали и моряки Одесской военно-морской базы, которой командовал вице-адмирал Г. В. Жуков. К 5 августа сформировали 1-й морской полк (300 бойцов), заканчивалось формирование 2-го полка (700 бойцов).

И все одесситы участвовали в обороне своего города — пекли хлеб, тушили зажигательные бомбы, соорудили аэродром в районе 5-й станции Большого Фонтана, ремонтировали танки, изготовляли минометы, бутылки с зажигательной смесью, мины в корпусах из консервных банок...

Окончание на стр. 5

ВНИМАНИЕ!

Продолжается подписка на газету "ДОБРОЕ ДЕЛО" на 2010 год.

Подписной индекс — 09720

Телефоны БФ "Хесед Шаарей Цион":

Служба "Мокед-Лакашиш" — 73740-21; Служба "Питание" — 737-40-11;
Программа "Медицина" — 737-40-32; Культурный центр — 737-40-13;
Служба волонтеров — 737-40-24; Дневной центр — 737-40-30;
Газета "Доброе дело" — 737-40-12

Внимание клиентов Хеседа 2 стр.

Е. Лукьянова "Повезло тебе, Черное море" 3 стр.

Наша гостиная 4 стр.

К. Паустовский "Встреча с Олешей" 5 стр.

В. Инбер "Место под солнцем" 6-7 стр.

Н. Бржестовская "Я русский бы выучил..." 8 стр.

Этикет 8 стр.

В. Корченков "Он превзошел самого Фаберже" 9 стр.

С. Липкин "Записки жильца" 10 стр.

Страна Поэзия 11 стр.

Улыбка 12 стр.

Объявления 12 стр.

Балта: фестиваль - 2010

Начало на стр. 1

Украинская и еврейская культуры так тесно переплелись в Балте, что мы не представляем ни одну свадьбу без любимых "Семь сорок" и "Хава Нагила". Немало слов, выражений, шуток накрепко закрепились в нашем лексиконе.

Еврейская культура колоритная, величественная, многогранная. Об этом свидетельствует и фестиваль израильско-еврейской культуры, который недавно прошел в Балте. На открытие его к нам приехали первый секретарь посольства Государства Израиль в Украине Марк Довев и Генеральный директор БФ "Хесед Шаарей Цион" Анатолий Кесельман, которые встретились с руководителями района и представителями местной еврейской общины. На этой встрече были обсуждены многие вопросы сотрудничества. Председатель райгосадминистрации В.Бабанский поделился планами развития города и района и отметил, что такие совместные мероприятия очень важны. Планы развития района пришлось по душе М. Довев, который, выразив уверенность в дальнейшем сотрудничестве, отметил, что Украина является серьезным партнером Израиля, а украинцев и евреев объединяет многое.

Гостям организовали экскурсию по одному из маршрутов программы "Балтщина туристическая" с посещением знаменитой в городе "Художественной лавки", в которой ярко отображена жизнь г.Балты в картинах и сувенирах. Гости посетили также Балтский историко-краеведческий музей, где Марк Довев оставил отзыв в книге посетителей.

Главное действо фестиваля израильско-еврейской культуры проходило в районном Доме культуры, в фойе которого были развернуты тематические выставки:

книжная — балтских библиотек с произведениями еврейских писателей и поэтов, в том числе уроженцев и жителей Балты, фотоработы участников Израильского фестиваля художественной фотографии, работы искусных мастериц — членов кружка одесского Хеседа "Вышивка бисером", которым руководит Инна Корсунская. Многочисленные посетители с интересом знакомились с представленными на выставках экспонатами.

Концертная программа фестиваля проходила в зале, который был переполнен. Концерт вели Татьяна Гловацкая и Владимир Кобец, которые рассказали об истории евреев Балты и всего района, о еврейской культуре и ее возрождении за последние 20 лет. Выступления участников художественной программы сопровождался показом на экране эпизодов истории балтского еврейства, фотографий известных в городе еврейских семей, фрагментов еврейских праздников, фотографий событий, свидетельствующих о развитии города и возрождении в нем еврейской культуры.

Участников и гостей фестиваля, всех присутствовавших в зале тепло приветствовали В.М.Бабанский, Марк Довев, Председатель балтской еврейской общины В.А.Винярский, которые единодушно пожелали нам успехов в развитии культуры евреев Балты.

С большим интересом, вниманием и удовольствием была принята художественная программа. А входило в нее многое. Поэтическая композиция в исполнении детей; еврейские танцы в исполнении ребят из младшей и старшей групп образцового хореографического ансамбля "Балтська зірочка", которым руководит Ольга Грицишин; песни на

иврите, которые пела ученица местной школы-гимназии №2 Диана Гаврилюк; песни в исполнении Александра Тимошенко "Еврейское местечко", Александра Горячука "Еврейский портной", Натальи Титарчук "Одессе", Виктора Кравченко "Балтский вальс" на стихи местного поэта С.Цванга, которая стала визитной карточкой нашего города. Яркой и колоритной была показанная Верой Васковец и Сергеем Гнатюк хореографическая картинка "Однажды в Балте", в основу которой положен еврейский танец "Семь сорок". Интересным было погурри на темы еврейских песен в исполнении духового ансамбля под руководством Владимира Горячука.

Порадовали балтян гости, и они же участники фестиваля, специально прибывшие из Одессы, — представители БФ "Хесед Шаарей Цион". Бурными аплодисментами наградили зрители исполнителей еврейских песен заслуженных артистов Украины Александра Кузнецова (солист), Татьяну Бурлацкую и Ларису Стадниченко (дуэт "Доля"). Тепло было встречено и выступление руководителя культурного центра Хеседа Анны Розен, которая подчеркнула, что фестиваль израильско-еврейской культуры — яркое событие в жизни Балты, благодаря которому ее жители станут духовно богаче и приобретут еще больший интерес к еврейской культуре. Она представила нам участников театральной студии "Одесские дворики", руководимой М.Крупником, которые исполнили водевил по мотивам рассказа Шолом Алейхема "Царство небесное". Заключительным аккордом фестиваля, настоящего праздника для балтян, стала песня "Лэхаим" в исполнении Татьяны Гловацкой.

Концертные номера ни одного присутствовавшего в зале не оставили равнодушным. Были улыбки, слезы, бурные аплодисменты и громкое "Браво!" И это, наверное, потому, что все это близко каждому из нас. Завершился фестиваль израильско-еврейской культуры демонстрацией художественного фильма "Нудл".

Еврейская жизнь Балты на глазах оживает и возрождается. На протяжении многих лет украинская и еврейская культуры, существовавшие рядом, настолько переплелись, что для балтян разных национальностей еврейская культура давно стала близкой, понятной и родной. Ныне в Балте проживает немного евреев, и мы постепенно отдалились от давней и колоритной еврейской культуры. Но благодаря таким мероприятиям, как прошедший фестиваль, возвращаемся мы к тому, чем жили, что пели и танцевали, как шутили наши предки.

Балта вошла в круг городов, в которых проводятся Дни культуры Израиля, и там об этом знают, что немаловажно.

Фестиваль израильско-еврейской культуры в Балте успешно состоялся при поддержке Израильского культурного центра и, в частности, М. Довев, Благотворительной фундации "Хесед Шаарей Цион", руководимой А. Кесельманом, райгосадминистрации г.Балты и ее председателя В.Бабанского, председателя балтской еврейской общины В. Винярского. И все мы приносим им нашу самую искреннюю благодарность.

И мы, конечно, очень надеемся на то, что то хорошее начало, которое заложил фестиваль израильско-еврейской культуры в Балте, станет доброй традицией.

Руководитель клуба «Яхад»
Татьяна Гловацкая

Возвращаясь к напечатанному

Положить конец провокациям!

Под таким названием в газете "Доброе дело" №45 была напечатана статья о провокационных действиях членов организации, именующей себя "Евреи против Гурвица". Статья заканчивалась вопросом: "Что еще должны сотворить эти бесцеремонные субъекты, чтобы их деяниям была дана соответствующая оценка?.." На высоком дипломатическом уровне оценка некоторых действий этой компании дана в письме, которое Чрезвычайный и Полномочный Посол Государства Израиль в Украине Зина Калай-Клайтман направила на имя числящейся председателем одесского комитета "Евреи против Гурвица".

Приводим текст этого письма.

"По информации, полученной посольством Израиля, комитет "Евреи против Гурвица" в своих демонстрациях, акциях протеста и других публичных акциях, проходящих в последние недели в Одессе, использует флаги Государства Израиль. Вышеуказанный факт может создать у постороннего наблюдателя ошибочное впечатление, что деятельность комитета пользуется поддержкой Государства Израиль.

Данным письмом мне хотелось бы подчеркнуть, что Государство Израиль, его посольство и другие

официальные представительства в Украине не принимают никакого участия в деятельности комитета. Ввиду того, что предвыборная деятельность комитета и других подобных ему организаций является сугубо внутренним делом Украины, Государство Израиль не может и не намерено быть причастным к указанному вопросу.

Посольство Израиля будет благодарно, если Вы прекратите использование государственного флага и других национальных символов Государства Израиль в мероприятиях и деятельности вашего комитета".

ВНИМАНИЮ КЛИЕНТОВ БФ "ХЕСЕД ШААРЕЙ ЦИОН"

Несмотря на предупреждения, которые мы опубликовали в № 43 газеты "Доброе дело", мошенники, воры и проходимцы под видом представителей каких-либо организаций, как еврейских, так и нееврейских, проникают в квартиры наших клиентов и наносят им значительный материальный ущерб.

Наши клиенты в основном люди доверчивые. Только, как говорится, доверяй, но проверяй. Если к вам пришел незнакомый человек и представился представителем какой-либо организации, то в первую очередь попросите его предъявить удостоверение личности. Удостоверение должно быть с фотографией владельца и подписью

руководителя той организации, которая выдала ему этот документ.

Напоминаем, что все наши сотрудники имеют служебное удостоверение личности.

Если пришедший человек отказывается предъявить вам удостоверение, заявите ему, что вы позвоните куратору, чтобы прояснить ситуацию. Если посетитель все же будет

настаивать на том, чтобы вы выпустили его в квартиру, можете смело вызывать милицию по номеру 102.

И еще: не пожалейте нескольких гривен, чтобы заплатить за доставку вам газеты "Доброе дело", в которой мы регулярно публикуем наши рекомендации, советы и предупреждения.

Будьте бдительны!

Повезло, тебе, Черное море...

Идея отметить 120-летие со дня рождения нашей землячки, поэта и прозаика Веры Михайловны Инбер родилась в управлении внутренней политики исполкома, где начальник Андрей Крупник, а отделом по связям с общественностью руководит Елена Кадышева.

В первые десятилетия XX века в Одессе сформировалась так называемая юго-западная литературная школа, представленная И.Бабелем, Э.Багрицким, И.Ильфом и Е.Петровым, В.Катаевым, Ю.Олешей, В.Инбер...

Биография человека начинается с детства и юности, продолжается в зрелом возрасте, завершается старостью. Об одесской юности, о жизни и творчестве Веры Инбер со всегдашней своей артистичностью и восторженностью собравшимся рассказала Валентина Ковач, которую одеситы моего поколения давно знают и любят слушать.

Вера Михайловна (Моисеевна) родилась в Одессе в Покровском переулке, в интеллигентной еврейской семье — мать преподавала русскую словесность, отец держал издательство. Гимназию она окончила блестяще, стихи начала писать рано, посвящала их морю. Вышла замуж за журналиста Натана Инбера, уехала в Париж, познакомилась там с Ильей Эренбургом, а в 1914 году выпустила первый сборник стихов "Печальное вино".

Потом она вернулась в Одессу, с дочерью Жанной и родителями жила в Стурдзавском переулке, где было издательство отца, выступала на литературных вечерах. В 1917-м вышел ее второй сборник "Горькая услада", а через пять лет — "Бренные слова".

В эти одесские годы разрухи, голода и холода дрова были на вес золота и, страшно сказать, приходилось пускать на топливо книги, воду за отсутствием простого ведра с дальних улиц носить в изящной стеклянной вазе и каждую картофелину считать величайшей драгоценностью. Чтобы отвлечься от всего этого кошмара, она перечитывала Диккенса и писала лирические стихи. Обо всем этом Вера Инбер написала потом в повести "Место под солнцем". Но именно в это "время больших ожиданий", как назвал его Константин Паустовский, во всей полноте многообещающе расцвел ее талант литератора. А потом, так уж горестно случилось со страной, городом и ею самой, начала исчезать свобода — основной элемент творчества по словам Антона Павловича Чехова. И, видя все, что было, и понимая, что еще может быть, родственница опального Льва Троцкого Вера Инбер начала писать так, как того не ждала, а требовала власть. Сегодня об этом можно

Одеяние, которое не ветшает...

Я давно знаю Юлию Иосифовну Рухлину, с тех пор как была волонтером клуба, а она работала в службе патронажа. Просто делать добро — это ее образ жизни. Юля приводила в клуб своих подопечных, и меня поразило тогда, с каким вниманием относилась она к ним, как для каждого находила доброе слово.

Потом Юля работала куратором того района, где мы с мужем жили. Однажды она посетила нас, и сразу создалось впечатление, что пришел близкий человек. Помощи нам тогда не нужно было, но, как говорят, "доброе слово и кошке приятно". Прошло время, и помощь понадобилась. У меня и у мужа были проблемы со здоровьем, и мы не могли сами получать продуктовые наборы. И дети не могли получить их для нас, поскольку работали, а наборы выдавали тогда только по рабочим дням. Пришлось обратиться к Юле, и она, которая курировала тогда уже другой район, помогла, и наборы доставляли нам на дом. Со временем их начали выдавать в выходные дни, и вопрос решился сам собой.

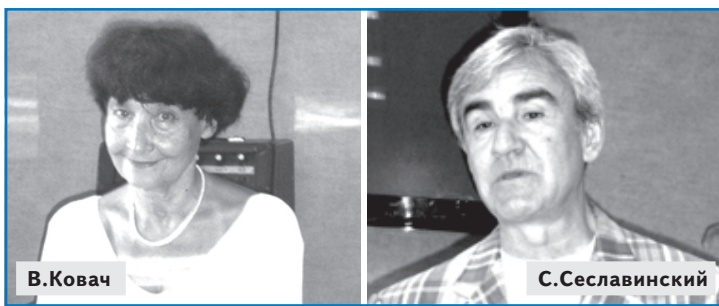
О ее доброте и порядочности говорят много, охотно и хорошо. Аркадий Шойхет называет ее "человеком с большой буквы", Раиса Шасерман отзывалась о ней самыми добрыми словами.

В прошлом году в Хеседе создали совет волонтеров, который единодушно выбрал Юлию Иосифовну старшим волонтером. И на этой общественной работе ее способности и энтузиазм проявились в полной мере. Она организовала "Теплый дом" для

спорить, это можно безоговорочно осуждать. Можно не оправдывать, но нужно понять, что происходило тогда со всеми, особенно с людьми, для которых жизнь была неотделима от творчества. Понять, что мог сделать с человеком постоянный не отпускающий ни днем, ни ночью страх за себя и за своих близких.

Так уж сложилось, что к моральным страданиям В.Инбер прибавились физические, когда она все время блокады прожила в осажденном Ленинграде. Но тогда, когда каждая ее строка могла стать последней, она нашла силы запечатлеть это общее горе в дневнике, который напечатан под названием "Почти три года" и в поэме "Пулковский меридиан".

И осталось в литературе все лучшее, что написала Вера Инбер, талант которой был многогранный и подчас озорной. К примеру, многие по сей день не знают, что это она написала песенку "Джонни", которую на собственную музыку пел Александр Вертинский, и давно считающуюся фольклорной "Девушку из Нагасаки" композитора Поля Марселя Русакова.

Обе эти песни так, как их нужно петь, спел на встрече Семен Вайнблат под аккомпанемент Инны Шафир.

И Анна Розен, убежденная в том, что музыка занимала немаловажное место в жизни, творчестве Веры Инбер, исполнила на фортепиано "Рондо в турецком стиле" В.Моцарта, "Лунный свет" К.Дебюсси, сентиментально-романтический вальс Ф.Пуленка, потрясшую когда-то поэта медленную часть Пятой симфонии П.Чайковского.

Как утверждал Шолом-Алейхем, "книги любят, чтобы их читали". И потому мастер художественного слова артист филармонии Сергей Сеславинский прочитал на встрече один из лучших ранних рассказов Веры Инбер "Соловей и роза", с чтения которого начался его творческий путь. Рассказ давно написан, но его слушали с удовольствием, потому что эта история голубоглазого еврея-портного, его жены Розы и красавицы-заказчицы наполнена нежностью и добрым одесским юмором.

В конце встречи Анна Розен и начальник отдела по связям с общественностью управления внутренней политики Елена Кадышева тепло поблагодарили всех, кто выступал и присутствовал на этом первом в Одессе юбилейном мероприятии, посвященном Вере Инбер, которая через всю жизнь пронесла любовь к своему городу.

И впрямь, "повезло тебе, Черное море, / На прозаиков и поэтов. / О тебе, мое Черноморье, / Ходит слава по белу свету"

Евгения Лукьянова

Повесть В.Инбер "Место под солнцем" напечатана на стр. 6-7.

волонтеров, который быстро стал клубом по интересам. Там приветливо встречает гостей его хозяйка Ольга Гершун и каждый может проявить себя. Один поет, другой читает стихи или прозу, третий угощает собственноручно испеченным тортом. Была организована экскурсия "Литературная Одесса", которую как всегда блестяще и артистично провела Валентина Ковач, в художественный и в литературный музей с его неповторимым садом скульптур.

По средам Юлия Иосифовна дежурит в Хеседе, и любой вопрос, любая просьба становится для нее сигналом к действию. К примеру, когда возникла необходимость, она организовала дежурство волонтеров в две смены в помощь сотрудникам медслужбы, оформляющим рецепты клиентам Хеседа.

Одинокому человеку, попавшему в больницу, Юлия Иосифовна помогла получить лекарства. Супругам Крутиковым, которые организовали ансамбль песни и пляски в Дальнике, она вместе с Инной Шафир помогла включить в репертуар песни на иврите.

Юлия Иосифовна не любит рассказывать о себе. И обо всем, что сделано ею, узнаешь лишь от благодарных ей людей. И в который раз убеждаешься, что прав был американский писатель XIX века Генри Дэвид Торо, утверждая, что "доброта — это единственное одеяние, которое никогда не ветшает".

Ида Гроссман

Î äãññêèå

íîâîñòè

После заседания Совета Регионов мэр Одессы Эдуард Гурвиц встретился с Президентом Украины. «Мы обсудили ряд сложных и важных для города проблем, - рассказал мэр журналистам. - Разговор был очень конструктивным. И я надеюсь, что эти проблемы будут решаться с помощью центральной власти».

С 1 июля установлена ежемесячная муниципальная надбавка в размере 100 гривен работникам двух приютов и Центра социально-психологической реабилитации детей. Муниципальная выплата начисляется только по основному месту работы, на основании приказа руководителя учреждения, пропорционально отработанной норме времени, но не более 100 грн. Муниципальная выплата осуществляется из городского бюджета в пределах общего фонда бюджета по сфере «Социальная защита и социальное обеспечение».

Городской совет предоставит гарантии возвращения коммунальным предприятием «Теплоснабжение Одессы» кредита — 22 млн. евро, который планируется получить в Европейском банке реконструкции и развития. Деньги предназначены для реконструкции объектов теплоснабжения. Суда может быть выдана под 6% годовых. Кроме того, городские власти ведут переговоры с Северным банком реконструкции и развития о займе такого же объема, предназначенном для модернизации системы теплоснабжения.

В первом полугодии текущего года из госбюджета Одессы на выплату помощи семьям с детьми, малообеспеченным семьям, инвалидам детства, детям-инвалидам и временной государственной помощи детям в целом выделено 163,9 млн. грн, что на 37,0 млн. грн больше, чем в соответствующем периоде 2009 года. Департаментом финансов Одесского городского совета полученные средства перечислялись департаменту труда и социальной политики Одесского городского совета для предоставления указанных видов помощи жителям города.

На сессии горсовета принято решение о выделении квартир многодетным семьям. — «Новые квартиры получили три семьи. — рассказал журналистам Э.Гурвиц. — Одна из них совсем молодая многодетная семья — там родилось сразу трое малышей. Все они будут жить в новой трехкомнатной квартире на поселке Котовского. А в переулке Ониловой в центре города мы выделили две квартиры большой площади — одна на 290 квадратных метров, а вторая — на более чем 300 метров. В первой разместится семья с шестью детьми, а во второй — с 11 детьми. Это благоустроенное жилье в хорошем районе, и я рад, что эти семьи будут жить в достойных условиях».

Территориальная громада города Одессы приняла проект Устава громады и проект Положения об общественных слушаниях в городе Одессе. Об этом сообщил председатель рабочей группы профессор М. Баймуратов.

Наша гостиная

Дорогие друзья! Обычно мы приходим в ваш дом, задаем вопросы, интересуемся делами, проблемами. Теперь вы стали нашими постоянными гостями, и на любые ваши вопросы — приятные и неприятные, сложные и простые — мы постараемся отвечать вам в уютной гостиной, которая будет регулярно открывать перед вами свои двери на страницах нашей газеты. Мы рады гостям, и вам всегда здесь окажут самый теплый прием.

Дежурный по гостиной — начальник Отдела по социальному обеспечению Феликс Мильштейн

Уважаемые посетители "Нашей гостиной"!

Убедительно просим вас внимательно ознакомиться с материалами этого выпуска и в дальнейшем всегда посещать "Нашу гостиную", поскольку в последнее время произошли изменения в критериях обслуживания клиентов и в работе социальных программ Хеседа, о чем мы будем вас оперативно информировать.

Особое мнение

Второй квартал нынешнего года ознаменовался новым подходом к решению социальных проблем для самых незащищенных клиентов БФ "Хесед Шаарей Цион".

Для оказания максимально возможной помощи наиболее нуждающимся нашим клиентам были разработаны новые критерии и новые границы для определения категорий нуждаемости.

По этим новым критериям одинокие клиенты Хеседа будут получать большую помощь в программах «Медицина» и «Питание», чем неодиноким, поскольку одинокому человеку неоткуда ожидать помощи, в отличие от тех, кто имеет детей.

В соответствии с инструкциями статус проживания клиента теперь определяется одной из следующих категорий:

Одиноким — клиент, который состоит на учете в Хеседе, проживает один и не имеет детей, которые живут в его населенном пункте;

Одинокая семья, то есть:

А. Супруги, которые ведут совместное хозяйство, хотя бы один из них состоит на учете в Хеседе, и они не имеют детей, проживающих в их населенном пункте;

Б. Близкие родственники (братья, сестры, родители, дети), которые ведут совместное хозяйство, каждый из которых состоит на учете в Хеседе или является нетрудоспособным и не имеет детей, проживающих в их населенном пункте;

Статус проживания клиентов, которые не подпадают под все приведенные выше категории, — «**одиноким проживающие**» и живущие «**в семье**».

Те наши клиенты, которые не согласны с определенным для них статусом проживания, должны обратиться к своему куратору с аргументированным заявлением об изменении статуса проживания.

Все вопросы, связанные с изменением статуса проживания

клиентов, рассматриваются Социальной комиссией Хеседа.

Многие клиенты Хеседа обращаются в программу «Медицина» с просьбой пересмотреть их категорию нуждаемости по в этой программе. При этом они мотивируют свою просьбу тем, что они очень больны. К нашему общему сожалению, почти все клиенты Хеседа страдают самыми разными заболеваниями, но для изменения их категории нуждаемости по «Медицине» опять же необходимо обратиться к своему куратору с соответствующим заявлением. Только после этого заявление об изменении категории будет рассмотрено Социальной комиссией и о принятом ею решении клиенту обязательно сообщит куратор.

Для того чтобы заявление клиента о пересмотре категории нуждаемости по «Медицине» было принято, в его анкете должна находиться медицинская справка о заболеваниях. При отсутствии такой справки заявление о пересмотре категории нуждаемости рассмотрению не подлежит.

Социальная комиссия всегда очень внимательно рассматривает заявления клиентов, которые

страдают следующими заболеваниями:

онкологические;
сахарный диабет в тяжелой форме, сопровождающийся осложнениями;
бронхиальная астма;
заболевания крови;
болезнь Паркинсона;
туберкулез;
инфаркт миокарда;
инсульт сосудов головного мозга.

Всегда были очень непростыми и вопросы о льготах, а принятым по ним решениям предшествовали длительные обсуждения.

Итак, сообщаем, кто имеет право на льготы:

1. Евреи — бывшие узники гетто и нацистских концлагерей.
2. Праведники народов мира, статус которых подтвержден дипломом института "Яд-Ва-Шем" в Государстве Израиль.

Все вышеперечисленные клиенты Хеседа получают благотворительную помощь в программах "Медицина" и "Питание" по 1-й категории нуждаемости вне зависимости от их доходов.

Всем остальным клиентам БФ "Хесед Шаарей Цион" помощь оказывается в соответствии с критериями.

Приглашает Дневной центр

Мы приглашаем тех, кто по состоянию здоровья не могут самостоятельно приехать и участвовать в работе клубных программ. Для вас работает Дневной центр два-три раза в месяц, и наш автобус доставит вас в Хесед и отвезет домой.

С 9.30 до 14.00 вы будете находиться в Хеседе. Вас угостят завтраком и обедом. Вы сможете заняться реабилитационной гимнастикой, послушать лекции по еврейской культуре и традициям, просмотреть передачи на новом плазменном телевизоре, встретиться с руководителями программ и своими кураторами, оформить рецепты на медикаменты и измерить артериальное давление. В теплое время года будут организовываться посещения театров, экскурсии, выезды в парки и на берег моря.

А самое главное, конечно, в другом. В Дневном центре вы сможете приобрести новых друзей, интересно и приятно

общаться. Для этого создан и работает наш Дневной центр.

К сожалению, теперь мы вынуждены более строго соблюдать критерии отбора клиентов для участия в работе Центра (только одинокие и малоподвижные) и вынуждены отказывать тем, кто не подходит под эти условия.

Мы особо обращаемся к тем, кто до сих пор еще не решил записаться в эту программу. Практика показала, что ни костыли, ни ходунки, ни даже инвалидная коляска не мешают преодолеть одиночество. Дневной центр давно уже с удовольствием и пользой посещают те, кто до недавнего времени боялись выходить дальше подъезда своего дома.

Все подробности о работе Дневного центра можно узнать у своего куратора или руководителя Центра Соломяк Ларисы Евгеньевны, тел. 737-40-30.

Новое в программе «Питание-Магазин»

Доводим до сведения клиентов, что в сети магазинов «Копейка» произошли изменения в списке продуктов, которые отпускаются со скидкой на 8%:

1. Вместо колбасы «Докторская», Либра отпускается колбаса «Докторская н.о., в.с., 0,01
2. Вместо колбасы «Докторская», — колбаса «Останкинская» н.о.в.с., 0,01
3. Вместо Масло подсолнечное, Стожар 1 л рафинированное — Масло растительное 0,01
4. Вместо печенья КК «Буратино, молоко» — печенье 1,01, 200 г «Каруселька»
5. Вместо печенья «Рошен к кофе, топленое молоко» — печенье 0,01, 180 г «Топленое молоко»
6. Вместо вермишели "Тая", длинная, 450 г — вермишель 0,01, 450 г

В список товаров, продаваемых со скидкой 8% с 01.07.10 дополняются:

1. Макароны 0,01, 450 г, рожки, гладкие

2. Макароны 0,01 450 г, спираль
3. Вафли 0,01.400г «Артек»
4. Вафли 0,01.400г «Черный принц»
5. Печенье 0,01, 210 г «Мон амур, сгущенка»
6. Вода 0,01. 5 л, столовая
7. Чай 0,01, 20п. «Лесные ягоды»
8. Чай 0,01, 20п. «Малина»
9. Чай 0,01, 20п. «Мультифрукт»
10. Чай 0,01, 20п. «Мята»
11. Чай 0,01, 20п. «Черная смородина»
12. Чай 0,01, 20п. «Черника»
13. Чай 0,01, 20п. «Ромашка»
14. Огурцы 0,01. 720г маринованные
15. Фасоль 0,01, 510 г т.с.
16. Томаты 0,01, 1 кг «Черри»
17. Томаты 0,01 1 кг маринованные
18. Паштет 0,01, 240 г «Московский», ж.б.
19. Паштет 0,01, 240 г «Печень», ж.б.
20. Масло 0,01. 200 г 72,5%
21. Биокефир 0,01, 1 л 2,5%
22. Сметана 0,01, 500 мл 15%
23. Масло растительное 0,01, 3 л

Доска объявлений

Внимание!

Оплата медикаментов и продовольственных товаров производится до 25 августа.

В первой неделе августа будут производиться дополнительные начисления на пластиковые карточки только **следующим** клиентам, поставленным на обслуживание и восстановленным в июле сего года:

- тем, у кого изменилась категория нуждаемости в медицинской программе по результатам Социальной комиссии;

- тем, у кого ранее было допущено неправильное начисление из-за технической ошибки.

Всем остальным клиентам начисление будет произведено на следующий квартал в **сентябре**.

Внимание!

Культурный центр «Моадон» с 4 августа, Дневной центр с 1-го августа **не работают до 1 сентября**.

Внимание!

Ремонт электрического оборудования, одежды и юридические консультации в отделе «Мокед-Лакашиш» в августе с.г. не производится, талоны будут выдаваться только до 13 часов.

Вниманию соцработников и клиентов! С 1 августа подгузники и пеленки выдаются **только по предъявлению пластиковой карты клиента Хеседа**.

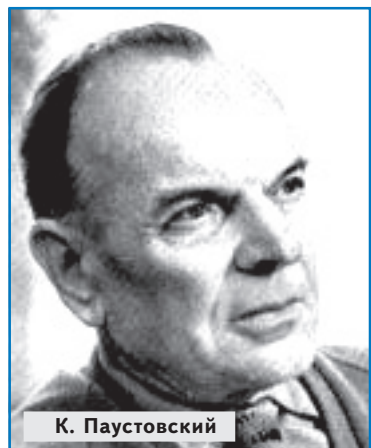

К 69-й годовщине обороны Одессы

Встреча с Олешей

У меня было много встреч с Юрием Карловичем Олешей, и каждая встреча оставалась у меня в памяти надолго, а иные — и на всю жизнь. Об одной из этих встреч я расскажу сейчас. Это было в самом начале войны, в июле 1941 года. Я приехал в Одессу с фронта, из-под Тирасполя, на военном грузовике, соскочил с грузовика около вокзала и пошел в "Лондонскую гостиницу". Я шел по безлюдной Пушкинской улице. Начинало светать. Лил дождь. В первые дни войны одесские жители закрывали свои южные белые дома густо разведенной сажей. Считалось, что черные дома не так заметны с воздуха, как белые. Сложное предприятие с перекраской домов, носившее звонкое имя "камуфляж", оказалось бесполезным. Лето выдалось грозное. После первого же дождя дома облезли и покрылись потеками грязи.

Я шел по Пушкинской и не узнавал давно знакомый и милый город. Это была Одесса и, вместе с тем, совсем не она. Будто я

К. Паустовский

видел город одновременно и наяву и во сне. Из водосточных труб хлестала злобная черная вода. Ни единого звука не слышалось вокруг, кроме перебора капель по железным крышам. Пожалуй, только запах насквозь промокшей листвы акаций напоминал недавние летние дни. Но эти дни, казалось, навсегда канули в вечность.

В то время я был почему-то уверен, что война принесла с собой новый воздух. Она сорвала с лица земли старый воздушный слой — мягкий, теплый, временами туманный — и заменила его воздухом жестким, пустым, внезапно изменившимся вид всех мест и предметов. Новый воздух был похож на жидкий нитроглицерин. Запах его напоминал гарь, смешанную с пронзительным лекарством. Может быть, от этого чуждого воздуха, от помертвевших улиц и дождевой сырости я чувствовал полное свое одиночество, будто я вернулся в Одессу, когда она уже давно начисто вымерла. Поэтому я с облегчением увидел в сумрачном вестибюле гостиницы старого небритого человека в мятой рубашке и лиловых подтяжках.

Он сидел за конторкой и читал "Королеву Марго" Александра Дюма. Желтый огарок неподвижно горел перед ним. Едва заметный синеватый угар зависал над пламенем, как кудель.

— Вы портье? — спросил я неуверенно. — Предположим, что я. — Можно у вас переночевать? — Станный вопрос, — рассердился старик. — В гостинице нет ни души. Выбирайте любой номер. С альковом или без алькова. Если у вас широкая натура, то можете жить даже в двух номерах. Или в трех. И при этом — совершенно бесплатно. Гратис! — Старик сказал старомодное слово купцов и коммивояжеров, слово "гратис", означавшее, что товар отпускается бесплатно. — Бесплатно потому, — объяснил мне старик, — что платить некому. Трест эвакуировали. А я здесь вместо сторожа. — Неужели в гостинице нет ни души? — спросил я, прислушиваясь, как в коридорах позванивают битые стекла. — Как нет?! — воскликнул старик. — А Юрия Карловича Олешу вы не считаете? — Он здесь? — А где же ему быть, скажите, как не в Одессе? Теперь на Одессу навалилась беда. Я знаю Юрия Карловича давно. Он вырос здесь и жил, когда Одесса крутилась цельные сутки, как карусель. Все скакало перед глазами: пароходы, уточкины, шикарнейшие женщины, фраеры, капитаны, налетчики, итальянские примадонны, знаменитые доктора и скрипачи. И я знаю еще кто! Тогда Олеша был тут. И теперь он тоже тут. Он — чистый одессит, вы понимаете? Сейчас он лежит в номере, один. После болезни. Каждый раз, когда начинается воздушная тревога, я иду к нему, чтобы уговорить его спуститься в убежище. Но он ни за что не спускается, а с места в карьер начинает шутить. "Соломон Шаевич, — говорит он, — поглядывайте, чтобы во время бомбежки немцы не побили те фонари, которые я описал в своей сказке "Три толстяка". Что я могу ответить? И я тоже, знаете, шучу. Я говорю, что если бы моя воля, так я бы те фонари посеребрил, чтобы Одесса всегда помнила про эту книгу.

Я поднялся в комнату к Олеше. Он сидел, нахохлившись, за столом и что-то писал своим крупным и вольным почерком. Мы расцеловались. Олеша был безнадменно небрит, страшно худ, — он только что перенес дизентерию. Сухая желтизна покрывала его щеки. Но глаза смотрели, как всегда, пронзительно, с доброй усмешкой и, как всегда, были готовы тотчас загореться легким огнем выдумки, схваченного на лету вдохновения, неожиданных и метких сопоставлений. Он начинал говорить, и жизнь сразу становилась интересной и как бы сияющей. Чем? Блеском его юмора, поэзии и мгновенного и точного понимания человеческого сердца. Мне всегда казалось (а может быть, это было и действительно так), что Юрий Карлович всю жизнь беседовал про себя с гениями и детьми, с веселыми женщинами и добрыми чудачками.

Спорил он смело и превосходно. Свои возражения он вонзал в собеседника быстро и победоносно. Вокруг Олешы существовала особая жизнь, отобранная им самим из окружавшей

его действительности и украшенная его крылатым воображением. Эта жизнь шумела вокруг него, как описанная им в "Зависти" ветка дерева, полная цветов и листьев. Олеша был непрерывно влюблен в жизнь. Реальность была освещена отблеском каких-то своих внутренних праздников.

В Олеше было что-то бетховенское, мощное, даже в его голосе. Его глаза находили вокруг много великолепных и утешительных вещей. Он писал о них коротко, точно, хорошо зная закон, что два слова могут быть неслышанно сильными, а четыре слова — уже вода.

В углу гостиничной комнаты стояла самодельная палка. На ее крючковатом набалдашнике висела клетчатая кошелка. — Вот, — сказал Олеша и кивнул на кошелку, — когда придет последний час, я уйду отсюда пешком в Николаев, а потом в Херсон. Чтобы дойти, нужно ни о чем не думать, а только идти, идти, идти, пока держат ноги... Кстати, достаньте мне какую-нибудь карту, хоть из школьного атласа. Карты у меня нет.

Я слушал его и засыпал сидя. Надо было лечь хоть на час, отдохнуть. Олеша пошел вместе со мной по пустым коридорам гостиницы выбирать самую лучшую комнату. Почти все окна были выбиты взрывной волной. По коридорам, вздувая пыльные бордовые портьеры, носились сквозняки. Вслед им трещали засохшими листьями пальмы.

Сон у меня прошел. Мы ходили по комнатам и привередничали, развешивая одну комнату за другой. Одну за то, что в ней пахнет яичным мылом, другую — за разбитое трюмо, третью — за картину Маковского "Боярский пир", запыленную известкой от недавнего взрыва. Наконец мы выбрали самую маленькую и темную комнату. Она выходила окнами во внутренний дворик. Там росли вековые платаны. — Это, — сказал Олеша, — будет, пожалуй, самая безопасная комната. Прямо блиндаж.

Я тотчас уснул, не раздеваясь. Проснулся я от далекого гула уходящих бомбардировщиков. Закатный свет золотился в старом, будто чешуйчатом стекле открытого окна. Я вскочил и пошел к Олеше. В номере его не было. Я нашел его в узком и темном зале знаменитого ресторана при "Лондонской гостинице". То был исторический ресторан. Как принято говорить в газетных отчетах, "его стены видели" многих знаменитых людей. Недавно еще этот зал сверкал хрустальными, серебром, орхидеями и мелихиором. Твердые синеватые скатерти на столиках холодили пальцы. Электрические лампочки загорались под вычурным лепным потолком, наполняясь апельсиновым светом. В серебряных ведерках таял лед, и меню было совершенно роскошным. Сейчас зал был пуст, тишина. Под потолком болезненно светилась единственная синяя лампочка — ее не гасили даже днем. И только два старых, как Одесса, седых официанта в помятых белых куртках бродили по залу, подавая пустой чай и черную скользкую вермишель. Олеша сидел за одиноким столиком с молчаливым негром — актером Одесской киностудии.

— Только что был налет, — сказал мне Олеша. — Вы его проспали. Ну, что вы скажете "за Одессу"? Я сказал, что город изменился с начала войны, замер и одесситы потеряли традиционную живость. — Чепуха! — сказал Олеша раздельно и внятно. — Сивый бред. Одесситы не сдаются и не умиряют. Их остроумие, их пресловутые "хохмы" замешаны на бесстрашии. Храбрость чахнет и умирает без острых слов. У вас предвзятое представление об одесситах. Так же, как, скажем, о Диогене.

Я прекрасно понимал, что я здесь ни при чем, что свое мнение о Диогене я никогда при Олеше не высказывал, хотя бы просто потому, что у меня его не было. Диоген был только поводом для какой-то острой выдумки.

— Вот, — сказал Олеша, — все, в том числе и вы, считают Диогена главой циников. А какой он циник! Он робкий, бестолковый старик. Жил, между прочим, в бочке. От бестолковости. А бочка все-таки какая-никакая, а жилплощадь. За нее надо платить. У Диогена, конечно, никогда не было ни копейки, ни драхмы. Хозяин бочки постоянно собирался выбросить старика из бочки за долги. Тогда Диоген шел к друзьям и знакомым и начинал, краснея, просить: "Дайте, если будет ваша милость, денег на бочку". Боже мой, какой подымался вой и визг! "Деньги на бочку!". "Нахал! Рвач! Циник!"

Молчаливый негр неожиданно захохотал! Олеша метнул на него быстрый взгляд и сказал: — Одесситы так же

мужественны и смешливы сейчас, во время войны, как и всегда. За это время я видел здесь героизм — очень простой, необыкновенно тихий для одесситов с их шумным характером, иногда веселый, иногда торжественный. Его трудно увидеть. Часто не замечаешь, что ты — его свидетель. Пойдемте, походим по городу, и я могу поручиться, что где-нибудь мы увидим старую, ни перед чем не сдающуюся Одессу.

Мы вышли. Прозрачный, будто много раз процеженный воздух розовел от заката. Бульвар шумел. Над морем шли в сторону Очакова фашистские эскадрильи. Их веско и гулко обстреливали морские зенитки. Мы пошли на Греческий базар. Там, по словам Олешы, еще доживала последние часы чайная, где давали настоящую молдавскую брынзу. Но мы не дошли до Греческого базара. Нас настигла воздушная тревога. Милиционеры открыли ожесточенную пушечную пальбу в воздух (очевидно, для тех, кто не слышал тревоги по радио). Кроме того, они загоняли всех прохожих во дворы.

— Подчинимся, — сказал Олеша. — Поверим, что бомбы падают только с фасадов.

Мы вошли в первый же двор. Те, кто не был в Одессе, могут представить эти греческие дворы с чужих слов, но никогда не поймут, в чем их прелесть. Надо увидеть

Ю. Олеша

такой двор или пожить в нем хоть несколько дней, чтобы это понять. Сухое описание вряд ли что-нибудь даст читателю. Но все же я попробую описать эти дворы. Прежде всего — это прямоугольные внутренние дворы, окруженные со всех сторон старым двухэтажным домом. Единственный выход из этих дворов — подворотня на улицу. Все комнаты и квартиры из обоих этажей выходят на старые деревянные террасы и такие же деревянные лестницы. Террасы тянутся вдоль стен дома, шатаются и скрипят. Они служат прямым и самым оживленным продолжением комнат и квартир. На террасах жарят на керосинках скумбрию, готовят икру из "синеньких", купают детей, ссорятся всем домом, стирают белье в пышной пене, гладят, а ночью даже спят "в холодильнике". Мы вошли в такой двор. Он был пуст.

Немецкие бомбардировщики пикировали с гнусным воем. Где-то вблизи грохотали взрывы. По камням двора щелкали осколки зенитных снарядов. Мы с Олешей стали под навесом верхней террасы, чтобы укрыться от осколков. Рядом с нами сидел на ящике и спал старый дворник с рваным противогазом на ремне. Он так и не проснулся, несмотря на грохот, вой, свист, щелканье железа о камни двора и пыль. Ее вдувало в подворотню целыми залпами. Против нас мы увидели крыльцо с дверью в отдельную квартиру. К двери была привинчена медная дощечка с выгравированной надписью: "Зубной врач И. С. Вайнтрауб".

Твердый знак после фамилии свидетельствовал, что Вайнтрауб живет здесь с незапамятных времен, еще до революции. — Еще до революции, — заметил Олеша. — Это сейчас звучит для нас как "еще до рождества Христова" или "еще до всемирного потолка". Рядом с крыльцом было венецианское окно с задернутыми занавесками. За ними висели черные листья фикуса. Завыл самолет. Загремели, напластаваясь железными обвалами, взрывы и залпы зениток. Тогда мы увидели простое, ничем не примечательное зрелище, и я, между прочим, до сих пор не понимаю, почему мы с Олешей долго хохотали, вспоминая о нем. Кто-то гневно раздернул занавески на окне, ударил ладонью в раму, и она с треском распахнулась. Створки окна отлетели к стене. В окно высунулся старый небритый еврей в спущенных подтяжках и с газетой в руке. Он, должно быть, спал и прикрывал газетой лицо от мух. Взрывы и вой самолетов его разбудили. Он высунулся в окно, уперся ладонями в подоконник, красными от раздражения склеротическими глазами посмотрел на промахнувшийся низко над двором самолет, крикнул с негодованием: "Что?! Опять!! Босьяки!", яростно плюнул вслед самолету — "Тьфу!!", с треском захлопнул окно и рывком задернул занавески. Тогда дворник, не просыпавшийся от взрывов, сразу проснулся и, покачав головой, сказал: — Самый отчаянный мужчина на весь этот двор! Наполеон!

Налет окончился. Мы вышли на улицу. Уже темно. — Вот видите, — сказал Олеша, — я был прав. Вот она, старая, ни перед чем не сдающаяся Одесса!

Мы пошли в "Лондонскую гостиницу". Около Оперного театра лежала вырванная с корнями акация. Корни ее застряли на втором этаже, зацепившись за решетку балкона. Около подъезда стояла карета скорой помощи. С подоконника на втором этаже медленно капала на тротуар очень чистая, кровь. Над морем тянулся полосами дым. На Пересыпи не то что-то горело, не то всходила луна. Фонари из "Трех толстяков" уцелели, и я обрадовался этому не меньше Олешы.

Я мог бы еще многое рассказать об Олеше, но мне трудно. Он умер недавно, и никак нельзя забыть его посмертное прекрасное лицо — лицо человека, спокойно задумавшегося перед нами, нельзя забыть маленькую красную розу в петлице его старенького пиджака, который я видел на нем много лет.

Таруса, 1961

Вера Инбер

Место под солнцем

Повесть двадцатых годов

Глава первая

В южном городе, осенью, в год гражданской войны, наступили прекрасные дни, когда море неомрачено синело и ветер спал, свернувшись, как якорный канат. Было так тихо, что даже у берега, там, где обычно курчавится мелкий прибой, синяя вода была как бы срезана ножом. В тот год был дынный урожай. Гладкие и змеинопестрые дыни переполняли город. Ночи были темны и часто вздрагивали от падающих звезд.

Эвакуация белых началась с окраин, началась тихо и буднично: вывозили сено, пишущие машинки, оружие, мебель. Но постепенно эвакуация убыстрялась, она шла к центру, захватывала все новые улицы. Порт был захвачен ею, в порту люди дрались из-за вершка пароходной палубы, пароходные трубы вопили: «Скорей, скорей!», и только море синело безмятежно.

В шорохе опадающих листьев, в блеске падающих звезд, в чистоте и прибранности осенних улиц эвакуация окончательно дозрела. На второй день на приморском бульваре из окон лучшей гостиницы летели желтые, как дыни, чемоданы и с треском лопались на мостовой. Добровольческие юнцы в шинелях английского образца набивали карманы бутербродами и патронами. Добровольческие деньги, денкинские «колокольчики», звенели все тише и тише, едва слышно. Даже те, которым некуда и не от кого было бежать, впадали в сомнение. Вихревые клубы людей и вещей, летящие по направлению к порту, вселяли в сердце неистребимую тревогу. На крышах пустых уже домов ласточки сговаривались об отлете: их эвакуация тоже была близка.

Переулочек был уже тих и пуст. Греясь на слабом осеннем солнце, лежала на мостовой собака, на ее белой спине сидела муха. Окна углового дома были открыты, и слышно было, как там играли на гитаре и пели песню:

Эх, зачем, почему
Наша жизнь проходит и тает?
Я бокала не допил
И сердце свое не раскрыл.
Ухожу навсегда из родного и милого края,
Где оставлено столько могил.

Дынная корка вылетела из окна на мостовую, муха сорвалась с белой собачьей спины, и голос снова запел: «Эх, зачем, почему...»

Красные были уже совсем близко, уже за лиманом стучал пулемет, тяжелое орудие заявилось где-то со стороны порта. И веселые маленькие пульки защелкали по улицам. В порту отчаянно и прощально заливались пароходные гудки.

В этот самый миг произошла встреча. По улице, прямо на меня, с чемоданом в руке, в тяжелой и нечистой шубе бежал хорошо знакомый мне человек. В наш город он попал случайно: его принесло сюда с севера, с берегов Невы. Кронштадтские матросы нажали на него, и он бежал, бросив в Петрограде свой письменный стол, свою кафедру, студентов и свои шесть тысяч томов. У нас в городе, на юге, он отдыхался от быстрого бега и стал даже потихоньку обрывать книгами и друзьями.

Он любил северные белые ночи, проведенные без сна над сборником стихов, и шабли в цветных бокалах.

Мы были с ним приятелями. С ним хорошо было сидеть поздно вечером за вином или без и слушать его. Он любил и умел рассказывать о том, как в период упадка молодые и старые римские адвокаты любили стихи. Они собирались без женщин. Венчая друг друга розами, они обнажали и смаковали какую-нибудь юную, только сегодня написанную строфу. На другой день, вялые и шальные, они проигрывали дела и вскоре проиграли империю.

Теперь этот «римлянин» налетел на меня внезапно, как налетает на человека тоска или болезнь.

— Вы? — сказал он, приостанавливаясь на минуту. — Ах, это вы! А где ваш... этот самый? Одним словом, где?

— Что именно, Игорь Евгеньевич?

— Я хочу сказать — чемодан. Словом, вещи. Они уже там? — он подбородком указал на море и вытер потный лоб рукавом шубы.

— Нет, они там, — и я тем же способом указала на город.

В это время пулька щелкнула где-то рядом.

Повесть Веры Михайловны Инбер «Место под солнцем» написана в 1928 году в Москве, когда одесская страница биографии автора была уже перевернута. Но остался в повести родной город, осталось далекое от нас время со всеми его чертами и черточками.

Печатается в сокращении.

— Сумасшедшая женщина! — взвизнул человек с чемоданом. — Через два часа город будет взят. — Он нагнулся к моему уху: — Французский консул, мой друг, берет меня на свой миноносец. Судно стоит за брекватером.

— Желая вам счастья, Игорь Евгеньевич. Жаль, что я ничего больше не услышу о римских адвокатах, которые проиграли империю.

— Империя погибла, — возразил он и взмахнул чемоданом. — Варвары наступают. Прощайте. — И он исчез.

Он исчез. А я осталась.

Хотя я нашла в себе мужество упомянуть о римских адвокатах, но мысли мои были далеки от них. Мысли мои были здесь, в России, в родной стране, которая теперь перекаивалась наново. Пожалуй, еще и сейчас, в эту самую минуту, ухватившись за полу тяжелой и пыльной шубы, можно было очутиться на миноносце французского консула, который ждал за брекватером. Осенние синие волны понесли бы меня в ту сторону, куда ночью уводит лунная дорога: в Константинополь. Стамбул!.. Я там была, там хорошо забывать. Там, над Босфором и еще дальше, в деревнях, есть над самой водой старые турецкие дома, сухие и пахучие, как скрипка. Там можно будет жить ничего не делая, бродя и мечтая, если кто-нибудь согласится финансировать эти лунные ночи и мечтательные прогулки.

В Париже можно будет жить и работать. Можно будет шить белье или продавать шляпы. «Мадам, — скажу я, — если что-нибудь создано друг для друга, так это шляпа, которую вы держите, и вы сами». — «Моя милая, — ответит мне мадам, — кто научил вас говорить такие приятные вещи?» — «Мадам, — скажу я снова, — у себя на родине я не предполагала, что мне придется стоять у

прилавка Я читала, разъезжала по свету, беседовала с друзьями — словом, вела приятную и легкую жизнь. Естественное, что я накопила много приятных и легких слов». Впрочем, конечно, вздор. В Париже дамы, покупающие шляпы, не разговаривают с продавщицами о жизни. Вообще я боюсь, что буду не на месте в шляпном магазине. Тогда остается белье.

Я умею шить и вязать. Перед тем как родилась Киска, моя дочь, я сшила ей чепчик и связала фуфаячку. Не моя вина, если все это потом на нее не нашлось. Я предполагала, что родится маленький хрупкий мальчик, а вместо него получилась огромная толстая девчонка, которая плакала басом и так сосала кормилицу, что та попросила прибавки.

Но дело было в том, что я не хотела продавать шляпы и шить белье. Я хотела остаться здесь, где я есть.

Случилось так, что как раз в самую сложную, ответственную минуту моей жизни я осталась одна. Со мной, правда, были Киска и Юлия Мартыновна — Кискина бонна, но мужчин не было, а они необходимы, потому что внушают нам, женщинам, чувство соревнования. Соревнуясь же, мы становимся решительнее и умнее.

Положение было серьезно и не располагало к улыбкам. И все же уехать я не могла. Не могла и не хотела.

Вечером того же дня кончилось веселое, нарядное бабье лето и началась нешуточная осень. Красные заняли город. Войдя в него, они как бы принесли с собой нерастроченные заряды дождей, гул осеннего моря.

Вечером, занавесив окна спальни, чтобы не бояться ночи, я высыпала себе на колени все свои богатства. Я опорожнила все свои сумки, ящики и кошельки.

Сделав это, я задрожала при виде стольких ничтожностей.

У меня на коленях лежали главным образом старинные пустяки. Панцирные браслетные змееныши, кусающие собственный хвост, брошь из синей эмали, наполненная воздухом, как пирожное. Плоские квадратные и раскосые

часы на черной ленточке. Впоследствии часы эти я тщетно старалась выменять на маринованное сало. Баба, привезшая сало, сидела на возу, как башня. Она была окутана тремя великолепными пледами, на ногах ее лежала лисья шуба. Не сгибая головы, баба глядела вниз, на колеса, где стояла я с часами в руках, и говорила:

— Да хйба ж це часы? Да чога ж вони скосоротились? Ни!

Так и не взяла баба часов, убоявшись их необычности. Вся эта раскосая чепуха — это все, что у меня было. Как все это оказалось легкомысленно и ничтожно!.. Где были серьезные, подлинные драгоценности: брильянтовые звезды в атласе футляров, изумрудные стрекозы, рубиновые мухи, круглые жемчужины? Где были кольца с одним огромным камнем, освещающим всю руку? Ничего этого не было. Одно лишь было: кольцо опасности за окном, в огнях прожекторов и сигнальных ракет. Оно было близко и могло сдать меня в любую минуту.

Киска крепко спала, положив себе под щеку плюшевого зайца. Зайца звали Джерри. Джерри был старый, матерый русак, затравленный Кискиными ласками. Одно ухо у него было надорвано и висело; другое, чрезмерно укороченное починкой, торчало кверху. Питался он преимущественно паклей из дивана и шоколадом.

Вблизи Киски, разложив перед собой цветные клубки, Юлия Мартыновна на деревянном грибе штопала чулок. Ее светлые латышские волосы были оттянуты назад. Ее изумительная штопка, за которую в свое время она получила на состязании штопальщиц в Риге первую премию, была в эту тревожную ночь изумительна, как всегда.

— Юлия Мартыновна, — сказала я, перебирая ее клубки, — должна вам сказать, что я сейчас бедна и одинока, как вот этот наперсток. Я ценю вас очень, Юлия Мартыновна: вы прекрасно смотрели за Киской, а однажды, помните, когда она проглотила пуговицу, вы даже спасли ей жизнь. Но платить вам мне теперь нечем. И поэтому мы должны расстаться.

Говоря так, я лукавила. Мне казалось невозможным, чтобы Юлия Мартыновна оставила меня. Меня, которая дарила ей шевитовые платья и так охотно слушала ее рассказы о кузене в Риге: обещав жениться на ней, он изменил своему слову, открыл колбасную фабрику и влюбился в аристократку.

Выслушав меня, Юлия Мартыновна несколько минут молчала. Она взяла второй чулок, она вдернула новую нитку. Киска засмеялась во сне; осенняя ночь, пролетая над домом, дохнула ветром; я ждала затаив дыхание. Юлия Мартыновна ответила мне:

— Я у вас очень хорошо жила. Я буду у вас дальше жить, если вы мне дадите в этот месяц пикейное одеяло и два полотенца. А в следующий месяц — фибровый чемодан, а еще дальше я вам буду говорить, что мне нужно.

Ее ответ был для меня первым из той серии уроков, которые мне надлежало получить. Должна сказать, что в те тяжелые годы, которые мы провели вместе, Юлия Мартыновна была мне опорой и защитой. И в тот день, когда она под выстрелами принесла для больной Киски кувшинчик молока, я подумала, что пикейное одеяло и фибровый чемодан, пожалуй, уж не такая дорогая плата за ее услуги.

Все было необычно в тот год на юге. В конце осени, когда полагалось лить докучным, но в сущности не злым дождем, внезапно, при страшной синеве неба без единого облака, без намека на жалость, при режущем ветре начались двадцатиградусные морозы. Море цвета бешеного аметиста, все в пенных сугробах, рвущее и режущее, обрушилось на мол и пыталось сокрушить маяк. И тогда население города, ужаленное холодом, заметалось по улицам в поисках труб.

Топлива ни у кого не было, центральное отопление умерло, радиаторы были смертно холодны. Даже голландские и чугунные печи не шли в счет: они были слишком прожорливы. На смену им всем появились «буржуйки» — неприхотливые железные создания с тонкими ногами, прямоугольным туловищем и длинной шеей: такими Киска рисовала лошадей.

В первый же морозный день по городу замелькали эти печи. Их несли на плечах, везли на извозчиках, на тачках и колясочках. Их покупали на последние деньги, выменивали на вещи, на хлеб. Лавчонки жестянщиков были мгновенно

наводнены синими от холода людьми, жажду щими труб. Трубы продавались на аршин; колена и выюшки шли отдельно. Самой убогой печке, как и человеку, полагалось два колена. Для колен требовалось время, для выюшек — тоже, для труб — тоже.

Мы с Юлией Мартыновной, как и все, пошли к жестянщику, стали там в очередь, плакали перед седобородым важным евреем. Он нахмурил седую бровь, назначил срок и цену. Мы просили уменьшить и то и другое — он не согласился. Это был его день, и он был прав.

Принеся домой на руках холодную и острую печку и гремящие трубы, мы начали устраиваться на зимовку. Наш дом находился в приморской части города, там, где начинались дачи. В тот год дом этот, с его застрявшим лифтом, погасшим электричеством, мертвым отоплением и безводными кранами, был страшен и жалок.

Нижний этаж был занят складом цветов и семян. Там в низких ящиках обычно росла веселая зелень, в шкафах лежали семена, на шкафах располагались гипсовые модели корнеплодов: морковь, свекла, репа и тыква. Все такое большое, новое и яркое, как в детских снах. В плоских ящиках спали будущие клумбы, газоны и огороды.

Четырнадцать смен правительств доконали всю эту растительность в самом зародыше: низ дома пустовал. Равным образом пустовали остальные этажи. И только на одном из них, бежав из больших северных комнат в маленькую южную детскую, жили мы трое. Но, конечно, трех наших слабых дыханий не хватало, чтобы наполнить хотя бы подобием жизни столько стекла и железобетона.

Море было рядом. По ночам оно вело себя как пятнадцатое, самое мощное, правительство, идущее на город с тем, чтобы поглотить его.

Ветер просторов и безлюдий тряс наши окна. Масляная коптилка в одну двадцатую свечи содрогалась от этих ударов.

Воду приходилось носить из других, более низких, частей города. Там, в чужих дворах, в чужих подвалах, в темноте, у крана выстраивалась очередь: ведро наполнялось десять минут. Порой кто-нибудь зажигал спичку, чтобы проверить уровень воды. Но это бывало редко: спички продавались поштучно, и каждая стоила дорого.

Нашу «буржуйку» мы питали прекрасно: преимущественно классиками и дубовым буфетом. Мы начали с Шекспира в издании Брокгауза и Эфрона. Издание это роскошно и чрезвычайно продуктивно в смысле топлива. Мы начали с него. Творения великого англичанина, как им и подобало, наполнились жаром и блеском страстей, пеплом раскаянья и пурпуром преступлений. Леди Макбет вставала в пламени, король Лир рыдал в трубе. Горящий кусок буфета бушевал, как мавр в огненном плаще, покуда сверху над ним жарилась постная лепешка.

В одну из таких ночей, когда неосвещенный и замерзший город был так тих, что в темноте, казалось, можно было споткнуться о него, наша дверь задрожала от ударов.

— Откройте, — сказал мужской звучный голос. — Обыск.

К нам в комнату вошли трое в шинелях и один в драной шубе, подпоясанный ремнем. Один встал у двери, другой, весь распухший, сел у стола, поигрывая ручной гранатой. Двое искали.

— Нам известно, — сказал человек с красивым голосом, — что у вас скрыта валюта: брильянты, пшено и прочие драгоценности. Так вот...

— А не то — к чертовой матери! — хрипло произнес сидящий с гранатой. — Революция не имеет пощады.

Тут проснулась Киска и заревела.

— Это мое, — сказала она, ухватив Джерри за большое ухо. — Это мое, потому что это заяц.

Все беспокойно зашевелились, а главный из них внезапно погубел.

— Ну-ка, пусть девчонка помолчит, — сказал он. — Не то гарантирую неприятности.

— Обезвредить сволочей, — дрожа в ознобе, подтвердил человек с гранатой.

В эту минуту мне стало по-настоящему страшно: я поняла, что человек с гранатой болен и пьян.

Они ушли, унося с собой многое из того, на что мы собирались жить несколько месяцев. Наутро мы узнали, что поблизости были ограблены не мы одни. Бандитская четверка, которая грабила, была вскоре поймана, и главарь их расстрелян. Я подозреваю, что это был тот, который гарантировал нам неприятности.

Через несколько дней, когда уж выпал снег, к нам пришли два матроса с целью реквизировать квартиру для отряда Особого назначения. Один из матросов, в черном бушлате, был аккуратен и чист до блеска. На его фуражке, на муаровой ленте, — грозная, хорошо всем известная надпись «Алмаз» сияла неомраченным золотом, как на детской шапочке слово «Шалун» или «Мамин любимец».

Матрос с «Алмаза» был совершенно спокоен, только на щеках у него ходили желваки, а яркосиние глаза были безмятежны, как спирт в барометре, когда тот показывает бурю.

Мы прошли по оледенелым и покинутым комнатам, прошли гостиную, где увидели толстые, мохнатые от мороза стекла, кучу мерзлого картофеля под роялем и самый рояль в радугах стужи. В кабинете книжный шкаф был раскрыт, и полка Шекспира зияла пустотой.

Матрос с «Алмаза» сразу понял, в чем дело.

— Книжки жгете, — сказал он. — Жгете книжки. Расхищаете народное

достояние. Это вы которого же писателя пожгли? — Шекспира, — ответила я. — Вильяма. Жил в шестнадцатом веке.

— Такого не слышал. — Он наклонил голову, читая сбоку корешки книг. — Александра Пушкина не жечь. Николая Гоголя не жечь. Михаила Лермонтова не жечь тоже. Понятно? — спросил он, поворачиваясь ко мне широкой суконной спиной.

— Понятно, — ответила я.

Детскую, где мы обитали, он прошел из двери в дверь, как сквозняк, прошел, не вынимая рук из карманов, не останавливаясь и не спуская глаз, устремленных как бы на далекий горизонт. Оттого, что он не глядел себе под ноги, он, проходя, разрушил строение из Кискиных кубиков. Но тайны женского сердца поистине глубоки. Вместо того чтобы рассердиться, Киска улыбнулась. Ее тонкие бровки поползли кверху, на щеках запорхали ямочки.

Квартира не подошла для особого назначения. Перед тем как уйти, матрос чернильным карандашом на измятой бумаге написал приказ о том, чтобы Пушкина не жечь, Гоголя и Лермонтова тоже. Рояль же, стоявший в холоде, «негодном для роялей», укрыть одеялом или ковром. Дальше было сказано, что рояль есть народное достояние и что за каждую лопнувшую струну я отвечаю перед республикой, равно как и за все свое имущество.

Приказ был написан мучительно квадратными буквами, печать была поставлена тут же. Печать была вынута из

матросского клеша и оставила на бумаге волнистый след — вернее, ее вовсе не было. И все же в приказе была сила, которой нельзя было не повиноваться.

Однако в скором времени я отчасти расхитила народное достояние, за которое отвечала перед республикой: я тайком продала три суконные портьеры чтобы купить макухи и мыла.

Покупателя нашла Юлия Мартыновна. Это был синеватый брюнет, настроенный конспиративно. О деле он говорил обиняком, обшаривая глазами стены.

— Какие дивные погоды, — начал он, — просто отдыхаешь душой! Покупаю ковры и меха за наличные. Какая замечательная девчурочка! Девочка, подойди сюда. Желательна швейная машина, если есть запасные шпульки. Вид у вас из окна безграничный. Покупаю краны, звонки и паркет на корню. Вид божественный.

Он вывез портьеры в детской колясочке, свернув ткань наподобие детского туловища. Занавески были спущены, и ножки были прикрыты цветным одеяльцем, чтобы не простудить дитя.

Глава вторая

Почти у самого бульвара дома расступились плавным полукругом, давая место площади, посвященной Екатерине II. Перед императрицей в полете зданий синел и зеленел лучший кусок порта, где бросали якорь лучшие корабли. Над ней синел и зеленел лучший в городе кусок неба, куда, как в гавань, заплывали на закате облака.

Что касается земли, то на ней, по краям площади, было много греческих лавок, — каждая из них пахла фруктами, орехами, вином и морем, словно лодка контрабандиста.

Екатерина была поднята на цоколь из красного гранита. На ней были все ее ленты и ордена. Шлейф, бесконечный, как ее империя, падал пудовыми складками.

Пухлой и властной рукой она указывала на город, на степную и морскую Новороссию, распростертую во все концы.

Окружив Екатерину чугунным кольцом, стояли Потемкин, Орлов, Суворов и другие.

На этот цоколь, на этот темно-красный монолит было решено поставить бюст Карла Маркса. Торжество открытия памятника состоялось в зимний день, когда туман ключьями носился по городу и за углом площади разрушался дом, из которого были вынуты все деревянные части для топки.

Памятник был закрыт парусиной. Наконец, холодные трубы и валторны заиграли «Интернационал», и мы, стоящие внизу, увидели памятник. Он состоял из одной головы, как богатырь, с которым сразился Руслан. Не было ни плеч, ни шеи. Каменная волна волос сливалась с бородой, плоскости щек были квадратны, потому что скульптор был кубист.

То время вообще было богато памятниками. Во всех городах страны появлялись тогда самые разные сооружения — то непомерно большие, то, наоборот, непонятно мелкие. Иногда это была голова на высоте, и даже не голова, а одна только едва оформившаяся мысль. Иногда невнятное скопление смутных фигур, стоящих почти на земле и обнесенных деревянной оградой. Приехав в Москву в двадцать втором году, я застала еще у Арбатских ворот стену, на которой были начертаны охрой мировые имена, имена бунтовщиков, ораторов, ученых, воинов и актеров. Рядом с Сен-Жюстом была Дузе и рядом с Тимирязевым — Мирабо. Все было смешано, как в минуту сильного душевного напряжения... После труб и

валторн на открытии памятника заговорили люди. На возвышении встал знакомый мне матрос с «Алмаза». Его куртка была расстегнута, и ветер обдувал его шею. Обращаясь к стоящим внизу и указывая рукой на город, он произнес речь. Я хорошо запомнила ее, потому что стояла близко и слова летели надо мной.

— Товарищи, которые внизу! — сказал матрос. — Мы свергли царя. Это не факт, это на самом деле было! Но мы пойдем дальше, потому что маятник двенадцатого часа подпирает уже под самое горло мирового империализма. Товарищи, вас будут инзить пули, но вы не обращайтесь на это внимания. Товарищи, которые внизу, мы знаем...

В этом месте его речи за углом тяжело обрушился кусок дома, как бы ставя точку. Это была новая орфография эпохи, где были свои знаки препинания и свои законы. Город был переписан наново, как декрет, где все ненужное вычеркнуто.

Были вычеркнуты многие жизни, как, например, жизнь «мистера Пирибингля». Таково было прозвище этого человека, данное ему друзьями.

Мистер Пирибингль был журналист и москвич. На юг его занесло случайно, как Игоря Евгеньевича, как многих других, но почему-то осенью он не уехал вместе со всеми. Он остался и скрился много позже, ранней весной, когда сады уже запушились сиреневым пухом и мы перестали рубить мебель на дрова. Тогда мистер Пирибингль нырнул в весенний туман, задернул его за собой и вынырнул по ту сторону границы, на румынском берегу, откуда перебрался в Париж.

Незадолго до его отъезда мы пошли с ним за город, на прогулку. Мы пришли на кладбище, где гробы отдавались напрокат от жилища покойника до могилы: в нашем степном краю лес был слишком дорог, чтобы зарывать его в землю.

Мистер Пирибингль и я, мы обошли оба кладбища — еврейское и русское. На еврейском мы заглянули в склеп знаменитого цадика: там, за решеткой, были каменные скрижали, мерзость запустения, грязный мрамор. Тополь, росший до революции у склепа, был срублен. Все деревья обоих кладбищ были срублены, потому что красота не так нужна мертвым, как тепло живым. Памятники были расхищены, все было голо и безрадостно, как сама смерть.

В одной из боковых аллей мы застали конец погребения. Здесь не было ни священника, ни раввина: красное коленкорое знамя профсоюза «Игла» лежало на черной бархатной земле. Извлеченная из глубины, земля эта была полна соков и богатств: нищета поверхности не коснулась ее. Мы услышали конец надгробного слова:

— Он жил и работал, — было сказано о покойном.

Мы сели отдохнуть на кроткую христианскую могилку какой-то Аси, с хилым крестиком, на который не польстился ни один вор. Мы были очень задумчивы.

— «Жил и работал», — повторил мой спутник только что услышанные слова. — Это напоминает мне эпитафию на могиле одной античной танцовщицы: «Плясала и нравилась». Больше мы ничего о ней не знаем. Какая краткость! Это кратко, как сама жизнь.

Мы помолчали. — Необходимо как можно скорее уехать отсюда, — начал снова мистер Пирибингль. — Я не виноват, что эпоха сломалась именно на моем поколении, которое от этого кровоточит. Я не хочу быть раной.

Продолжение следует

І äãññêèà íîâîñòè

С целью разработки и неотложного принятия действенных мер по стабилизации работы городского электротранспорта и его дальнейшего развития распоряжением Одесского городского головы создана рабочая группа по разработке мер по стабилизации работы городского электротранспорта и его дальнейшего развития.

Решением Одесского городского совета утверждено градостроительное обоснование реабилитации 2-этажного здания бывшего кинотеатра «Одесса» с устройством дополнительных помещений для размещения гостиничного комплекса.

Рассмотрев ходатайство Главного управления Министерства чрезвычайных ситуаций Украины в Одесской области, исполнительный комитет Одесского городского совета предоставил согласие ГУ МЧС Украины в Одесской области на разработку «Градостроительного обоснования размещения пожарного депо на земельном участке по адресу: г. Одесса, ул. Карла Либкнехта (возле военной части А-2800)».

Исполнительный комитет Одесского городского совета предоставил согласие обществу с ограниченной ответственностью «Фирма МК» на разработку «Градостроительного обоснования размещения торгового центра по адресу: г. Одесса, ул. С. Ядова, 63».

Исполнительный комитет Одесского городского совета предоставил согласие обществу с ограниченной ответственностью «ЮГ-КУРОРТ-СЕРВИС» на разработку «Градостроительного обоснования размещения детского кафе с игровым центром в границах улиц: Левитана, Костанди, 6-я Линия, Академика Королева, с комплексным благоустройством существующего сквера и строительством памятника академику Королеву С.П.».

На 1 июля дополнительно к доходам бюджета Одессы поступило 2 334 772,91 грн. в виде процентов за пользование временно свободными средствами.

Исполком Одесского городского совета (площадь Думская, 1) объявляет конкурс по выбору инвестора для проведения работ по строительству мусороперерабатывающего и/или мусоросжигательного заводов в г. Одессе.

На центральной аллее Аркадии устанавливают видеокamеры. «Это совместная программа горуправления внутренних дел и движения «Вперед», — рассказал учредитель организации депутат горсовета Григорий Трипульский. — Камер будет 4—6, установим и предупреждающие таблички. Это превентивная мера для обеспечения отдыхающих в темное время и содействия раскрытия преступлений». На очереди — Лузановка и площадь 9-го Января возле железнодорожного вокзала.

Я русский бы выучил только за то, что им разговаривал Бабель

Так уж сложилось, что языком межнационального общения служит английский язык. А что может подвигнуть человека, в совершенстве им владеющего и живущего в англоязычной среде, к изучению русского языка с его сложнейшей грамматикой и фразеологией? Правильно, стремление познать русскую культуру и ее богатейшее литературное наследие.

Так и случилось с молодой американкой Мелиссой Якобовиц. Еще в школе она познакомилась с произведениями Федора Достоевского и Антона Чехова, потом принялась читать Юрия Олешу, Владимира Набокова, Льва Толстого, Владимира Короленко. И погрузившись в этот удивительный, незнакомый ей мир, созданный воображением русских классиков, поняла, что хочет читать этих могучих писателей в подлиннике. Это и определило выбор будущей профессии Мелиссы: она поступила в New Colledge во Флориде, избрав специальностью русскую литературу. Большая часть его студентов изучает русскую литературу на английском языке, меньшая их часть, в том числе и Мелисса Якобовиц, — предпочла путь более трудный, посвятив себя изучению русского языка. Первый рассказ, который Мелисса прочитала в подлиннике, был чеховский «Студент». А на втором курсе девушка впервые познакомилась с творчеством Исаака Бабеля, одолев рассказ «История моей голубятни» и влюбившись навсегда в его автора. Потом были «Одесские рассказы» и «Конармия». А завершая учебу в колледже, Мелисса избрала

для своей дипломной работы тему «Персонажи рассказов И. Бабеля и одесская среда».

Дальше — больше. Завершив учебу и получив диплом, выпускница вуза решила во что бы то ни стало побывать на родине Исаака Бабеля в

Одессе и воочию увидеть улочки и дома Молдаванки, так ярко и живописно описанные автором «Одесских рассказов», ощутить своеобразие и неповторимый дух южного города под названием Одесса.

Так, в сентябре 2009 года Мелисса приземлилась в одесском аэропорту, став участницей годовой Программы академических обменов имени Фулбрайта в Украине. Первые три месяца она ежедневно совершенствовала свой русский язык в Оксфордской языковой школе. Сейчас занимается три раза в неделю. И продолжает много читать, благо, у ее преподавателя — обширная домашняя библиотека. Особое внимание — к одесским авторам и писателям, писавшим в Одессе и об Одессе. Сейчас американка закончила читать рассказ «Гамбринус» Александра Куприна. Мелисса и сама пробует писать небольшие статьи и

рассказы. Еще в США она посещала занятия, изучая историю искусств, ей интересно смотреть выставки, писать рецензии на них. Но жизнь и творчество Бабеля по-прежнему занимает центральное место в ее жизни. Мелисса даже отправилась на экскурсию «Криминальная Одесса», чтобы послушать рассказ гида о прежних обитателях старых одесских дворов. Сама обошла Молдаванку, отыскивая домик, где снимал комнатку писатель. Узнав, что в Одессе планируют установить памятник Бабелю, Мелисса Якобовиц нашла в Одессе Всемирный клуб одесситов, чтобы поинтересоваться, как идет сбор средств на него. Девушка и сама не осталась в стороне от благородной инициативы клуба, пожелав передать на будущий памятник свой небольшой взнос — 50 долларов.

В свободное от учебы время Мелисса отправляется на прогулки, благо, живет она в центре старой Одессы, на пересечении улиц Бунина и Преображенской:

— Наконец, пришла весна: я люблю читать и писать на открытом воздухе, где-нибудь в сквере или за столиком в кафе. Мне очень нравятся одесситы: они дружелюбны и открыты. Американцы боятся знакомиться с незнакомыми людьми. Да, там тебе улыбаются, но это все. Здесь же люди очень отзывчивые, легко общаются и готовы помогать друг другу.

Осенью Мелисса вернется на родину. А результатом ее участия в Программе Фулбрайта станет научная работа, посвященная Бабелю и Одессе.

Наталья Бржестовская

Э т и к е т Рубрику ведет Тамара Попова

Немудреная маска, положенная на лицо во время приготовления ужина, омолаживает. Она повышает тонус, улучшает настроение. И головная боль куда-то исчезает...

Монотонный домашний труд тоже можно разнообразить. Продуманная сервировка стола, необычное меню с блюдами разных народов, неожиданный десерт всегда порадуют окружающих. Чаще меняйте домашнюю одежду. Один и тот же застиранный халат не прибавит вам уважения зятю.

С возрастом проявляются не только нетерпимость, мнительность, подозрительность, но и ухудшение памяти. Однако нельзя на этом заикливаться. Если вы почувствовали, что появились некая рассеянность, забывчивость, невнимательность, не преувеличивайте эти явления, не старайтесь, досадливо напрягая память, немедленно вспомнить фамилию появившегося на экране телевизора артиста. Это свойственно и более молодым людям, которые утверждают, что склероз — самая лучшая болезнь: ничего не болит и всегда свежая информация.

Лучше заведите ежедневник, в который записывайте — неотложные дела на день:
Позвонить...
Поздравить...
Ответить...
Найти...
Починить...
Полить цветы и т. д.

Запрограммированное в нас желание остаться молодыми не должно быть пассивным.

Для любого человека естественно стремление поддерживать организм в хорошем состоянии. Отсутствие зубов, глухота, плохое зрение устраняются медицинским способом. Предупреждение же болезней и плохого настроения кроется в ежедневных физических упражнениях. Причем, начать это делать — никогда не поздно.

Что лучше — излечиться от болезни или не заболеть вообще?

Как можно дольше используйте велосипед, не отказывайтесь от купания в море, речке, озере, занимайтесь аутотренингом. Всегда можно найти время, чтобы, глядя в зеркало, сказать себе: «Я — молод, я — красив, я — здоров, ко мне все хорошо относятся».

Оптимисты дольше живут, меньше болеют, легче переносят болезни.

Старайтесь ни в коем случае не ограничивать дружеские встречи. Общение с людьми своей возрастной группы всегда приносит радость: одинаково мыслишь, одни и те же любимые песни поешь, одни книги читаешь. Однако необходимо находить также точки соприкосновения с молодыми людьми.

Фраза «О чем разговаривать с молодыми?» — не для вас. Существуют кино, музеи, телепрограммы, периодика.

Излишней информации не бывает. Существует только ее дефицит, действующий на человека удручающе, тем более, если раньше он отличался активной жизненной позицией.

Переход на пенсию для одних желанное событие, так как всю жизнь тяготила не по душе выбранная профессия, для других — это удар, который с трудом переносится, вплоть до самой смерти.

Любой вопрос о возрасте со стороны начальника чаще всего рассматривается как намек на ваш уход с работы. Но расстраиваться не следует. Все равно это когда-нибудь произойдет. Нужно только заранее подумать, как в будущем использовать свои сохранившиеся физические и умственные возможности.

Многие немолодые люди стараются найти смысл своей жизни в роли бабушек и дедушек. Ведь внуки не «напрягают», а вносят в жизнь дополнительные источники радости. Но не надо посвящать все свое время воспитанию внуков. У вас должна быть своя жизнь, со своими делами, увлечениями и заботами, в частности, о себе — любимом.

Не позволяйте ровесникам напоминать о наступившей старости. Человек не стареет, а только, не замечая это на себе, меняется с годами.

Не позволяйте сужаться широкому кругу ваших интересов. Тогда и окружающие не заметят изменений в вашем возрасте.

Он превзошел самого Фаберже

В добрые старые времена — времена моего увлечения в Одессе коллекционированием дореволюционных и довоенных связанных с моим городом медалей, жетонов и знаков, они нередко попадались мне в весьма неприглядном состоянии. У

одних могла быть повреждена эмаль, у других отсутствовали детали креплений и накладные изображения. Это могли быть отпиленные царские короны, пропавшие накладные погоны, вензеля, старый герб Одессы, отломанные выступавшие за габариты жетонов или знаков красноэмалевые пятиконечные звездочки или топорики пожарных.

И во всех этих случаях совершенно бескорыстно, просто из любви к искусству и своему мастерству приходил мне на помощь замечательный ювелир Юра Бронштейн, который тщательно ликвидировал всевозможные изъяны и восстанавливал утерянное, словом, реставрировал. Юра Бронштейн — потомственный ювелир. Его отец — Лев Бронштейн — тоже работал на Одесской ювелирной фабрике и научил этому искусству немало молодых и способных ребят.

Но в своем мастерстве всех знакомых мне ювелиров превзошел Симон Рудле. Несколько ювелирных изделий этого талантливого двадцатитрехлетнего умельца еще в 1960-х годах были приобретены Людмилой Зыкиной, Клавдией Шульженко, Л.И.Брежневым и его дочерью Галиной Брежневой, а эти люди толк в таких изделиях

понимали. Три бриллиантовых кольца были куплены самой королевой Англии. А для жены партийного босса Украины В.В.Щербицкого Симоном Рудле была выполнена точная копия работы Карла Фаберже "Ковш", которую она поднесла мужу в день юбилея.

"Деликатно" униженный обкомовскими чиновниками, Симон вынужден был уехать в эмиграцию.

Сейчас Рудле живет в Нью-Йорке, где основал свою собственную компанию, и создает подлинные ювелирные шедевры на известной "золотой" манхэттенской 47-й улице.

Техникой исполнения он, по мнению многих специалистов, превзошел виртуозов знаменитой фирмы Карла Фаберже, которая сумела достичь самых высоких

вершин в жанре декоративно-прикладного искусства и стала своеобразным символом эпохи царствований Александра III и Николая II.

Симону с юных лет приглянулись изысканный характерный стиль, технические приемы, изделия легендарного ювелира двора Его Императорского Величества, начиная от мелких украшений и кончая всеми признанными пасхальными яйцами. И когда в 1996 году в Нью-Йорке в одном из самых крупных художественных музеев мира — Метрополитен-музее открылась совершающая по стране турне выставка "Фаберже в Америке", то среди четырехсот произведений этой фирмы экспонировались три работы Симона Рудле. Они даже не попали в отдельный зал, где выставлялись подделки. Они находились именно в

числе подлинников. Одним из принципов работы Карла Фаберже являлось оригинальность рисунка, который ни в коем случае не должен был повторяться. Этого же придерживается Симон Рудле. И на всех его изделиях стоит его клеймо — личный знак ювелира. Но дело в том, что в свое время кто-то из тех, кто приобрел у Рудле его произведения, заменил на них клейма Рудле на клейма Карла Фаберже.

Во время нашей встречи вместе с некоторыми своими произведениями Симон показал мне каталог одного из

аукционов, проведенного всемирно известным старейшим аукционным домом "Кристи", где я увидел фотографию выставленной на продажу одной его работы, исключительной по своим достоинствам. И стояло на этом произведении личное его клеймо. Но поразительным оказалось то, что под фотографией рядом с фамилией автора был указан год изготовления — "1890". Специалисты посчитали, что такую изумительную вещь никто не в состоянии создать в наши дни, и поэтому поставили год, когда в

зените славы была фирма Карла Фаберже, год, который, по их мнению, наиболее подходил по технике исполнения, наиболее подходил ко времени создания этого выставленного на аукционе шедевра.

Как говорится, природа на Рудле не отдохнула. Его дед работал у Карла Фаберже. Ювелиром был дядя Симона и, как я уже писал, отец. А мать стала известным мастером художественной резьбы по кости. И сейчас в основанной Рудле компании вместе с ним работает дочь Виктория. Такая вот династия ювелиров.

Виктор Корченев (Нью-Йорк)

П р и к о с н о в е н и е

Было это так давно, что теперь уже тяжело вспомнить, но я попытаюсь, ведь я еще не такой старый...

Жили мы тогда с мамой в душной коммуналке, в маленькой десятиметровой комнате. Неожиданно, как снег на голову, к нам свалился из Ленинграда мой троюродный брат Тедик. Никогда раньше я его не видел...

Тедик — очень спокойный, очень вежливый и очень начитанный молодой человек — полная противоположность мне! Он начитался Бабеля и захотел увидеть живую Молдаванку.

"Багаж" родственника состоял из томика "Одесских рассказов", который он не выпускал из рук. Не присев с дороги, он тут же стал тащить меня к "историческим местам".

Через полчаса мы уже шли по Степовой. Войдя в роль гида, я поведал своему единственному экскурсанту, что это главная улица Молдаванки и иногда ее зовут еще второй Дерibasовской...

Я шел медленно, давая возможность приезжему осмотреться. Он вглядывался в лица прохожих, ища сходства с героями Бабеля. Глаза Тедика разгорались, ему казалось, он вот-вот увидит Фроима Грача, идущего в обнимку с Беней Криком, а мимо них по мостовой промчится на извозчике Миша Яблочко, возвращаясь из Аркадии с уже зарезанным Цырисом.

Но ничего этого уже не было; пронзительный свист родоначальницы слободских бандитов Маньки не нарушал спокойствия города, а участок исправно охранялся милиционерами...

И знаете что, мне пришла в голову светлая мысль! Чтобы как-то скрасить разочарование потратившегося на дорогу родственника, я решил наудачу показать ему первый попавшийся двор!

В полутемном подъезде, куда я затащил начитанного ленинградца, нас встретила многообещающая надпись: "Во дворе уборной нет!" Буквы были написаны известью и падали друг на друга, но смысл доходил сразу!

— Не волнуйся, — сказала я. — Это значит всё наоборот. Уборная есть, но заперта, а ключ у каждого жильца свой.

Пройдя подъезд, мы увидели типичный одесский двор. Двор напоминал морской причал, у которого с двух сторон навечно ошвартовались корабли с деревянными палубами-верандами. Поперек "причала" были развешаны "флаги" из предметов женского туалета.

Они сияли на солнце своими нехитрыми трикотажными расцветками, и легкий бриз придавал им естественную форму... Желтые, голубые, фиолетовые — они были самых невероятных размеров, и по ним безошибочно можно было угадать владельца!

Длинные веранды густо заросли диким виноградом, сквозь который выглядывали любопытные лица стариков и старух. Они хлопотали возле своих примусов, то и дело подкачивая и прочищая их.

Готовился праздничный обед... Примусы шипели, как гремучие змеи, — все одинаково, но запахи от них неслись разные! Жареная картошка брала верх над кипящими на медленном огне голубцами, а фаршированная рыба не могла найти общего языка с кисло-сладким жарким...

От всего этого букета кружилась голова, а слюне не было места во рту. Мы медленно пробирались вдоль двора под прищуренным оком соседей, стараясь не задеть белье, подпертое палкой.

Наконец, одна старуха таки не выдержала:

— До кого вы идете, молодые люди? — спросила она надтреснутым, но еще громким голосом.

— Мы идем до крана, — ответил я в тон.

— А, вы хотите попить? Ну-ну, пейте себе наздоровье!

Кран, как водится, стоял посреди двора, и из него непрерывно текла струя воды. Рядом, на целенькой скамеечке, сидела необъятных размеров женщина и чистила бычки, подставляя их под струю. Огромный бюст женщины колыхался в такт скребущему ножу и норовил выпасть из декольте размером в амфитеатр... Вокруг сидели коты,

терпеливо щурясь на солнце. Мы подошли к крану и молча остановились. Женщина продолжала чистить рыбу, не обращая на нас внимания.

— Мадам Мазолис! — раздался уже знакомый скрипучий голос. — Дайте молодым людям попить! Отойдите от крана, вы же и так за целый день завоняли весь двор!

Брата душил смех. Он давил его в себе, еле стоя на дрожащих ногах. Мадам Мазолис, молча, не глядя на нас, медленно "отъехала" на скамеечке, заскрипев на весь двор.

Я предоставил гостю право пить первым. Он сделал всего несколько глотков. Вода не проходила ему в горло. И тут начал пить я. Опершись ладонью о кран, я пропускал струю мимо рта. Пить не хотелось, нужен был повод затянуть время. По мере того, как я пил, лицо мадам Мазолис багровело. Я ждал новых "перлов", и они последовали.

— Молодой человек, не торкайтесь губами до крана! Что вы его слюнявите? Здесь пьют маленькие дети, между прочим! Нашли себе поилку!

По вздрагивающим плечам Тедика я понял, что он уже не сдерживается. Наконец, выпрямившись и утерев рот ладонью, я сказал громко на весь двор: "Спасибо!"

Моя благодарность осталась без внимания... Возвращаясь к подъезду, мы чувствовали на своих спинах потревоженные взгляды стариков и ощущали ни с чем не сравнимый запах одесских дворов. Мне почудилось, что за нами раздался общий вздох облегчения!

Мы вышли из двора, казалось, мы испытали прикосновение к героям "Одесских рассказов" с их заботами, непосредственностью и языком, не похожим ни на один язык мира! Вечерело, малиновые облака медленно опускались над Молдаванкой, заботливо укрывая маленькие дворники с их обитателями от неизбежного ветра перемен...

В. Шугайлейт

З а п и с к и ж и л ь ц а

Начало в 44

Семён Липкин

По праздникам он надевал поддевку из тонкого сукна, сапоги (у нас их носили только военные), зимой — бекешу. Когда он, важный, коренастый, невысокого роста, рыжебородый, проходил с женой и дочерью, рослыми, грудастыми, красивыми, тоже несколько по-театральному одетыми, то вся улица искренно восхищалась ими. Ему принадлежал особняк, в котором, по заверениям местных краеведов, некогда собирались греческие патриоты и пили за здоровье Александра Ипсиланти. В особняке было несколько комнат и огромный зал, называемый будуаром: здесь работал Антуан с двумя подмастерьями. Как-то в детстве Лоренц заглянул в этот будуар, и ему показалось, что ничего более прекрасного он не видел и никогда не увидит. Особенно поразило его зеркало, занимавшее всю стену целиком.

Антуан не очень охотно принял Сосновика в свое заведение.

— Жидов я люблю, — признался он жене, — живут серьезно, не то, что наши, не пьют, корень своей помнят, — но что скажет клиентура?

— Увидишь, дамы будут без ума от него, — уговаривала жена. Она с дочерью Пашей уже сами были без ума от этого робкого, стройного, большеглазого красавца.

Антуан взял его в подмастерья — и не прогадал. Давид Сосновик быстро овладел парикмахерским искусством, стал настоящим художником. Градоначальница впервые самолично посетила заведение Антуана, чтобы взглянуть на красавца, о котором во всех гостиных без умолку тараторили дамы.

Кончилось дело тем, что Давид и Паша страстно влюблись друг в друга. Давид забыл свое волынское местечко, забыл, как мать в пятницу вечером, в парике, благословляла худыми руками тонкие свечи, забыл самого себя — он крестился. Золотое марево закружило его, он пришел в церковь, и там было золотое марево — от блеска иконостаса, лампад, парчовой ризы дякона. Слегка картавя, он произнес "Символ веры" и стал Антоном — в честь будущего тестя, и Васильевичем — в честь о.Василия, толстого, краснощекого молдаванина. Неверующему Сосновику очень понравился обряд крещения, а неверующий Кемпфер проклял своего друга. Впрочем, через год они помирились.

Хорошей парой были Прасковья Антоновна и Антон Васильевич, одевались они по последней моде, ими тоже любовалась вся улица. Когда Павлов умер, Сосновик унаследовал особняк и фирму "Парикмахер Антуан" и стал таким же почтенным, состоятельным, всеми уважаемым человеком, как его покойный тесть. Жену свою он обожал, никогда не знал другой женщины, и Прасковья Антоновна все завидовала. Детей у них не было.

Повезло и Рафаилу Кемпферу в большом городе. Он добился отличного положения у Генриха Шпехта-старшего, был деятелем, предприимчив, выгодно женился. Правда, жена его страдала тиком и зубы у нее были некрасивые, но зато она принесла ему в приданое десять тысяч. На свадьбе были Сосновики, и Антон Васильевич только улыбался, выслушивая острые, но добродушные насмешки ортодоксальных весельчаков. А Прасковья Антоновна сияла, как царица, и все гордились такой гостьей.

Бог праотцев как бы в отместку Сосновику усиленно благословлял брак

приказчика. По именам детей можно было судить о политических настроениях Рафаила Кемпфера. Старшего назвали Абрамом, но тут ничего не скажешь: покойный дедушка был Абрамом. Родившийся через год мальчик получил имя Александр — в честь царя-освободителя.

— Я обожаю этого просвещенного монарха, — говорил Кемпфер, — он же гениальный человек! И его убили!

Через четырнадцать лет, неожиданно для соседей, родился третий сын, Теодор: в это время Кемпфер был заморожен сионистическим учением Теодора Герцля:

— Вы читали "Новое гетто"? Гениальная книга! После манифеста 17 октября Кемпфер пересмотрел свои убеждения.

— Евреи должны любить свою родину, Россию! — кричал он в толпе, собиравшейся по праздникам во дворе синагоги. — Мы — русские иудейского вероисповедания. В культурной Германии этот вопрос решен гениально! Он умер от рака во время первой мировой войны, пятидесяти лет от роду. Сосновик, по-прежнему стройный и красивый, пришел на похороны. Он впервые после долгих лет иной жизни увидел на кладбище на памятниках буквы, которые он учил в детстве, которые в детстве учил и его Спаситель, и сердце его дрогнуло. Когда Кемпфера опустили в могилу, Антон Васильевич обыденным движением снял котелок и перекрестился. Всех это неприятно поразило. А Сосновик плакал.

Кемпфер оставил в "Лионском кредите" шестнадцать тысяч. Это были хорошие деньги, хотя и не довоенные. Дети не могли на него обижаться. Если не считать желтых лошадиных зубов, унаследованных от матери, старший сын Абрам во всем повторял отца. Он тоже был принят в приказчики к Генриху Шпехту — сыну старого Генриха Шпехта, — тоже выгодно женился, тоже был деятелем и предприимчив. Александру, застенчивому, слабому здоровьем, удалось поступить в университет в счет процентной нормы. Он преподавал русскую словесность и латынь в частной гимназии Нейдинга. Самому младшему, Теодору, когда умер отец, было восемнадцать лет. Он с грехом пополам дотягивал коммерческое, посещал казино, луна-парк и публичные дома.

Семейная жизнь Абрама Кемпфера, члена правления общества приказчиков-евреев, сложилась не очень удачно. Жена его, Зинаида Моисеевна, была истеричкой. Ежедневно она устраивала сцены ревности и зависти. Ревновала она безо всяких оснований, завидовала испуганно всем соседкам — из-за их любящих мужей, богатых нарядов, обстановки, посуды, удачных покупок. Ее пожирал огонь тщеславия. Трудолюбивая, щедрая и, в сущности, добрая, она как бы была создана для горя. Приходя с базара, она уже на лестнице кричала:

— Муженечек мой! Дает мне столько денег, что можно закупить весь Привоз! Рыбный ряд, куриный ряд, фруктовый ряд, печеночки, — сил моих больше нет! Другие идут на базар с одним рублем и живут, как богини. На что мне хоромы? С милым рай и в шалаше!

В восемнадцатом году у них родилась девочка — Фанни, в двадцатом — сын, Рафочка. Рафочка страдал запорами, об этом знал весь дом Чемадуровой, знал и то, что во всем виноват Абрам Кемпфер. Зинаида Моисеевна приводила и доказательства:

— Разве таким бывает внимательный муж? По-моему, мадам Квасная — счастливица. Плохо ей, что ли, если ее муж — простой снощик и грязный пьяница? Зато как он любит своих деток, это же примерный отец!

Такие восклицания раздавались в том самом году, когда наш город одичал, никто не работал, за буханку хлеба отдавали золотые часики или горностаевый воротник, в магазинах помещались детские интернаты, из их окон смотрели на прохожих лица, полные недетского отчуждения и злобы, трамвайные рельсы казались остатками древних веков, изящные дамы в деревянных сандалиях и черных перчатках по локоть предлагали сахарин, на пустых и длинных базарных полках были только малай и мамалыга.

Ворота запирались в семь часов вечера, мужчины, неуклюже держа — по очереди — единственную винтовку, стояли на посту, охраняли дом от налетчиков. Свободные от военных занятий играли в карты, в пятьсот одно. Чаще всего собирались у гостеприимных Лоренцев. Зинаида Моисеевна скандалила, кричала: "Картежник, ты загубил мою жизнь!" — но Абрам Кемпфер играл каждый вечер.

Квартира Лоренцев состояла из двух комнат с кухней. Кухней почти не пользовались: вода не шла, плиту не топили. Лоренц помнит: круглые стенные часы пробили двенадцать раз. Мать спала, мужчины играли в карты, он, Миша, читал "Войну и мир", в блюде с деревянным маслом догорал толстый шнур от Мишиной рубашки, румынка остыла. У игроков была другая коптилка, с фитилем настоящий. Кемпфер записывал остро, щегольски отточенным карандашом. Внезапно ворвалась Зинаида Моисеевна — в шали поверх длинной нижней рубахи, растрепанная, худая.

— Абрам, иди, я зарезала твоих детей, — сказала она низким, цыганским голосом. Губы ее тряслись, глаза лихорадочно горели.

Все ринулись к Кемпферам. Дети спокойно спали. Зинаида Моисеевна не смутилась:

— Ну, картежник, ну, красавчик с лошадиными зубами, теперь ты будешь знать, как оставлять меня одну на всю ночь. Посмотри на людей, они же презирают тебя.

Игроки поникли лысеющими головами.

В квартире Кемпферов было шесть комнат. В самой маленькой, но с балконом, жил учитель гимназии Александр Рафаилович, рядом, в двух смежных, — Теодор с матерью, в остальных — семья Абрама. Ежедневно в шесть утра, не раньше и не позднее, появлялся на балконе Александр Рафаилович с лейкой. Напевая что-то из Гуно или Верди, он поливал кадки и горшки с цветами (у нас эти горшки назывались вазонами). А над ним, на балконе третьего этажа, скорняк Беленький, держа во рту мелкие гвозди, прибывал к дощечке шкурку мокрого каракуля или воротник из выдры-котика. Внизу, в полуподвале Димитраки, уже осыпались прозрачно-золотистые браслеты стружки. Албанский переулочек, половину квартала которого занимал дом Чемадуровой, был интендантством шумной, торговой Покровской. Отсюда завозили товар с английскими наклейками в магазин Кобозева. Здесь помещались чаеразвесочная, винные подвалы, колониальные лавки. Напротив чаеразвесочной — фирма "Лактобациллин"

с коровником в черном дворе. Запах мокрого меха, сухих стружек, рогожи, терпкого вина, чая в больших цыбиках, запах сладких и недолговечных плодов, запах коров и лошадей, скрип телег, нежный и дальний звон церковного колокола, степной пожар заката, одноколки, в которых сидели колониетки-молочницы с пузатыми бидонами, — все это дышало Европой, ганзейским союзом, чудом возникшим в самом центре большого русского города. Дома были и новые и прошлого века, с галереями внутри двора, с шелковицами, — эти дома принесло сюда прибоем Средиземного моря, и волны прибоя как бы смывали слова Шпенглера о том, будто Россия — апокалиптический бунт против античности.

Часто приходили студенты-архитекторы с досками и рулетками, делали замеры уже едва намечающихся пилястров, орнаментов. Самым новым зданием был построенный в восьмом году Немецкий клуб, и его сумрачные готические башни были видны издали.

Жители нашего города и поныне славятся в России своей крикливой деловитостью, коммерческой изворотливостью, циничной практичностью. Может быть, это верно, со стороны виднее. Но тот, кто здесь родился, вырос, видел и другое. Видел здесь умных, образованных рабочих (а какая это прелесть — образованный русский рабочий!), дельно рассуждавших о Лассале и Бакуanine, читавших Прудона и Плеханова, с южной непосредственностью декламировавших в садиках на окраине стихи, кажется, Скитальца: "Мой Бог — не ваш Бог, мой Бог — мститель", с южным пылом устраивавших стачки и забастовки, возводивших баррикады. Видел здесь совершенно непригодных к так называемой практической деятельности беспечных бессребреников, полунищих философов, математиков, меломанов, для которых встреча с другом, спор о Ницше или Вагнере были важнее заработка, насущных вопросов карьеры.

Какая странность: революцию готовили люди, которых окружающее общество, деловое и практичное, всегда считало фантазерами, болтунами, чудаками, — и революция же первые свои удары обрушила на мечтателей, на интеллигентных нытиков и спорщиков. Низкий поклон вам, никчемные чудаки и неудачливые фантазеры, праздно болтающие Рудины и сомневающиеся Гамлеты, в вашей нерешительности — великие решения, в нытье вашем — блистательные надежды, в кажущемся безволии — революционная воля, вы — щепень, вы — лагерная пыль настоящего и строительный материал будущего, уничтоженные, вы побеждаете!

Рос на Албанском переулке Миша Лоренц, и все уже понимали, что растет чудаком и неудачником. Чудаком был и Александр Рафаилович Кемпфер. Примет его чудачества столько, что не знаешь, с чего начать. Тонкий ценитель женской красоты, он на всю жизнь остался холостяком и девственником. Он был убежденным вегетарианцем. Он посещал платный кружок пения. Он изучил эсперанто. Равнодушный к одежде (а у нас любили хорошо одеваться), к своей внешности, он тщательно следил за своими поистине ослепительными зубами и ногтями. Если при этой операции присутствовал посторонний, то Александр Рафаилович обычно говорил: "Быть можно дельным человеком и думать о красе ногтей. Qued erat demonstrandum. Что и требовалось доказать".

Продолжение следует

Детский уголок

Страна Поэзия

Рената МУХА

Рената Муха (1933–2009) — автор нескольких сборников стихов для детей, в том числе и удивительной рифмованной сказки "Про глупую лошадь". Родилась в Одессе. Вскоре семья переехала в Харьков, где уже после войны будущая поэтесса окончила университет по специальности филология. Еще в советские времена Рената Муха разработала уникальную методику преподавания английского языка для малышей, которую сама прозвала "сказочный английский" — знакомая с вымышленными персонажами забавных историй, дети очень легко усваивали премудрости разговорного языка жителей Туманного Альбиона. В середине 90-х Рената Муха покинула Украину и последние годы жизни провела в Израиле.

Стихи Ренаты Муха с интересом и удовольствием прочитают взрослые и дети. Потому мы и печатаем их в объединенной рубрике.

ПРОВОДЫ

Спокойной походкой
Идет по перрону
С большим чемоданом
Большая Ворона.
А рядом с Вороной,
Чуть дальше и сбоку,

Ее провожает
На поезд Сорока.
И все б это было
Совсем хорошо,
Если б их поезд
Куда-нибудь шел.

СЛОНЕНОК

Семейство Слонов
Перепугано насмерть —
Слоненок простужен:
И кашель, и насморк.
Лекарства достали,
Компрессы готовы,
Но где продается
Платок хоботовый?

СЕКРЕТНАЯ ПЕСЕНКА СЛОНЕНКА

По Борнео и Ямайке
Ходит Слон
В трусах и майке,

Ходит в маминой панаме.
Только это —
Между нами.

ИСПУГАННАЯ ПЕСЕНКА СЛОНЕНКА

Мы с мамой
В Африке живем,
А в джунглях жизнь — не шутка:
Там страшно ночью,
Страшно днем,
А в промежутках
Ж у т к о.

УЖАЛЕННЫЙ УЖ

Бывают в жизни чудеса —
Ужа ужалила Оса.
Ужалила его в живот,
Ужу ужасно больно.
А доктор Еж сказал Ужу:
"Я ничего не нахожу,
Но все же, думается мне,
Вам лучше ползать
На спине,
Пока живот не заживет."

СОВА

Всю ночь,
С темноты до рассвета,
На ветке
Сидела Сова.
И песню
Сложила про это.
А утром
Забыла слова.

ТАРАКАН

Жил в квартире Таракан,
В щели у порога.
Никого он не кусал,
Никого не трогал,
Не царапал никого,
Не щипал,
Не жалил,
И домашние его
Очень уважали.
Так бы прожил Таракан
Жизнь со всеми в мире.
...Только люди завелись
У него в квартире.

ЯЙЦО

Все утро в зеркало Яйцо
Глядит и думает уныло:
"Так где кончается лицо
И начинается затылок?"

ВЕРБЛЮД

Как-то раз
В пустыню Гоби
Шел Верблюд
В ужасной злобе.

Он полдня
Шагал до Гоби
В диком гневе и тоске.

И полдня
Шагал по Гоби
В диком гневе, жуткой злобе.

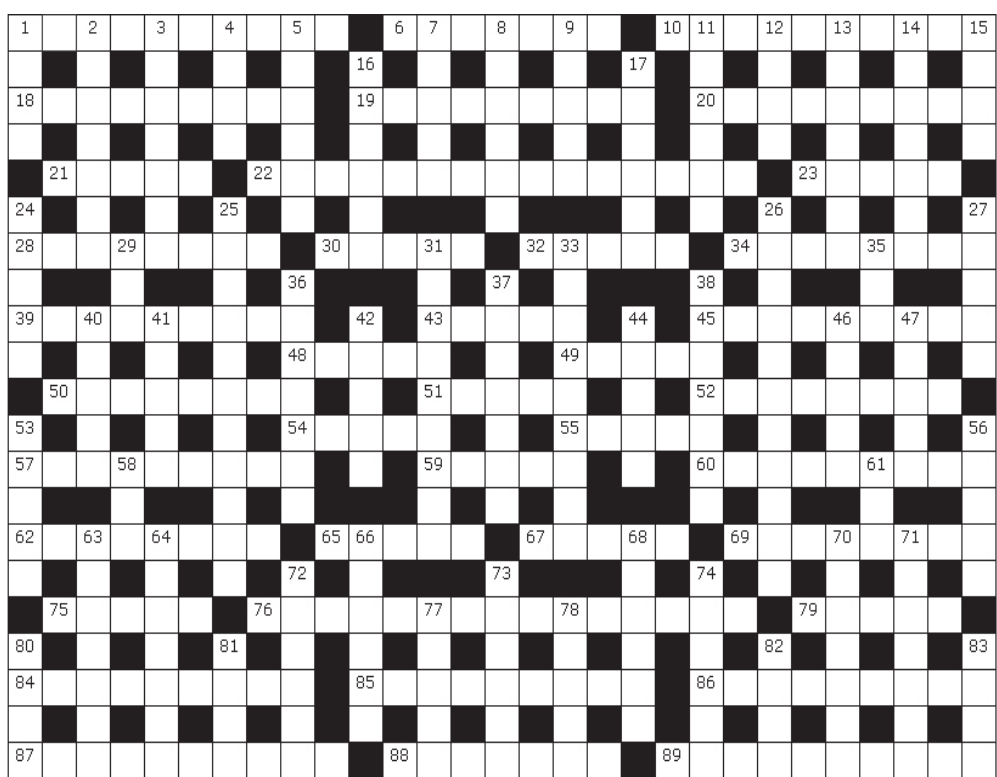
И пришел из Гоби —
В злобе,
Раздраженье
И песке.

СТИХИ О ПЛОХОЙ ПОГОДЕ

Часть 1
Стояла плохая погода.
На улице было сыро.
Шел человек по городу
И ел бутерброд без сыра.

Часть 2
Стояла плохая погода.
На небе луна погасла.
Шел человек по городу
И ел бутерброд без масла.

Часть 3
Стояла плохая погода.
Сердито хмурилось небо.
Шел человек по городу
И ел бутерброд без хлеба.

Кроссворд

По горизонтали: 1. Стронник обособления. 6. Гавайская гитара. 10. Боязнь скопления людей. 18. Соединение сурьмы с металлами. 19. Специальность ученого. 20. Конечный итог. 21. Краткий иносказательный нравоучительный рассказ, стихотворение. 22. Застенчивость. 23. Любовные интриги, ухаживание. 28. Аквариумная рыбка. 30. Волшебник из восточных сказок. 32. Камчатский бобр. 34. Неразбериха. 39. Периодическое издание. 43. Город-герой. 45. Арестант. 48. Порода охотничьих собак. 49. Народ в Испании и Франции. 50. Обжора. 51. Углубление в почве, по которому течет водный поток. 52. Сорт персика. 54. Широкий низкий диван без спинки. 55. Женское имя. 57. Город на реке Исеть. 59. Сладкий тропический фрукт. 60. Хронический 62. Древнеримская богиня победы. 65. Индийский музыкальный инструмент. 67. Медведь, проснувшийся зимой. 69. Электромагнитная машина для получения переменного тока. 75. Теплая шапка с опускающимися наушниками и задком. 76. Станция московского метрополитена. 79. Воинское звание. 84. Виртуозный пассаж, украшающий вокальную мелодию. 85. Титул Наполеона. 86. Сплав ртути с другими металлами. 87. Демографический показатель. 88. Несколько судов, идущих одно за другим. 89. Опера Александра Даргомыжского.

По вертикали: 1. Бревно, брус, забитый в грунт для опоры. 2. Урон, нанесенный хлебному полю. 3. Государство в Европе. 4. Место, защищенное от попадания прямых солнечных лучей. 5. Горы в Чехии, Польше, Германии. 7. Мясное блюдо. 8. Хирургический инструмент. 9. Город на севере Франции. 11. Незначительное количество. 12. Одежда священника. 13. Оборка, которой отделялись юбки, чепсы, белье. 14. Обувь. 15. Курорт на Черном море. 16. Жесткий пояс юбки. 17. Обещание причинить зло, вред. 24. Обратившийся в суд с жалобой. 25. Город на реке Миссисипи. 26. Челуховина. 27. Ручная тележка. 29. Широкий и длинный овраг. 31. Государство в Центральной Америке. 33. Утренняя песня испанских пастухов в честь восходящего солнца. 35. Столовый прибор. 36. Взрывчатое вещество. 37. Избранник сердца очаровательной Изольды. 38. Грузинская флейта. 40. Афинский оратор, противник Демосфена. 41. Альфа и 42. Самка небольшого колючего животного. 44. Английская писательница, автор романа "Разум и чувствительность". 46. Жидкая заправка для теста из дрожжей и небольшого количества муки. 47. Союз племен Урарту. 53. Женщина, у которой умер муж. 56. И аромат, и зловоние. 58. Пошлина, упраздненная Торговым уставом 1653 года. 61. Увязанный сверток товара. 63. Любительское пение под фонограмму. 64. Глазной врач. 66. Дирижабль Умберто Нобиле. 68. Правый приток Амура. 70. Русское поместье. 71. Церковное песнопение, посвященное празднику или святому. 72. Французский ученый, чьим именем названа система координат. 73. Город-государство в Древней Греции. 74. Гармонический или мелодический оборот, завершающий отдельную музыкальную фразу и произведение в целом. 77. Часть печи или котла. 78. Лоскут, нашитый на худое место. 80. Древний город в Кари, в котором находился храм Артемиды, сожженный Геростратом. 81. Японская национальная борьба. 82. Река в Берне. 83. Автомобильный фонарь.

Ответы на кроссворд в газете «Доброе дело» № 45

По горизонтали: 1. Гиперболоид. 9. Мацони. 10. Гримёр. 12. Каама. 14. Апулей. 15. Крачка. 16. Крыша. 18. Зразы. 20. Такси. 22. Мальчик. 23. Регби. 24. Манто. 25. Кравчий. 27. Таран. 30. Пауза. 32. Талло. 33. Ладога. 34. Кабуки. 35. Синод. 37. Хуциев. 38. Улитка. 39. Рентгенолог.

По вертикали: 2. Ирокезы. 3. Ерик. 4. Богатырь. 5. Лига. 6. Ификрат. 7. Паруса. 8. Лётчик. 11. Надзиратель. 13. Тарирование. 16. Квадрат. 17. Акихито. 19. Зыбка. 21. Анапа. 26. Воляняне. 28. Радиус. 29. Неглиже. 30. Правило. 31. Усушка. 35. Свет. 36. Дуло.

ВНИМАНИЕ!

Сотрудники
Культурного центра
в отпуске с 1 августа.
Ждем вас в сентябре.

Детский театр "Хохма"

объявляет набор в группы
8—12 лет и 13—16 лет.

В репертуаре театра:
спектакли по литературным сюжетам,
пуримшпиль, капустники, миниатюры.

В программе:
уроки актерского мастерства и
конферанса, элементы вокала и
хореографии.

**Собеседование для желающих
поступить в театр:**

Понедельник — с 18.00 до 19.30
по адресу: ул. Малая Арнаутская, 46-а,
Центр "Мигдаль", каб. № 1.
Справки по тел. 37-21-28 с 14.00 до
20.00 (кроме пятницы и субботы),
в воскресенье — с 10.00 до 17.00.

ВНИМАНИЕ!

Шахматная студия Культурного центра
БФ "Хесед Шаарей Цион"
проводит женские шахматные турниры.
Приглашаем участниц всех возрастов.
Турниры проводятся по воскресеньям
с 11.00 до 13.00
в помещении Хеседа (ул. Нежинская, 77/79,
каб. 214). Тел. 725-17-60

**Программа "Глухие и
слабослышащие"**

обслуживает клиентов
по понедельникам и пятницам
с 8.00 до 16.30.

Посещение клиентов на дому—
по вторникам с 9.00 до 13.00.

Обеденный перерыв
с 13.00 до 13.30.

Инструктор

Вайсблат Софья Михайловна

Адрес: ул. Нежинская, 77/79,
2-й этаж, кабинет 245

("Медицина")

Тел. 737-40-32

Улыбка

— Ой, такое знакомое лицо, где-то я вас
видел...

— Ой, не вспоминайте меня, а то я вас
вспомню!

Маленький Сема порвал туфли.

Дедушка Изя ругает его:

— Твой дед носил эти туфли 20 лет. Твой отец
носил эти туфли 25 лет. А ты, маленький
негодник, в первый же день их порвал!

— Скажите, а где тут поезд на Одессу?

— Уже ушел.

— Ну вот, здарсьте! А куда?

— Продавец, почему у вас помидоры
зеленые?

— Возьмите огурцы, они желтые...

— Скажите, пожалуйста, кто вас стриг?

— Мастер...

— Я понимаю, что стриг мастер. А по
профессии он кто?

На "Приводе".

— Вы не скажете, сколько стоит мясо?

— Почему не скажу, мы разве поссорились?

— Бедный Ромочка, он больше никогда мне
оттуда не напишет, не позвонит!..

— А что, с ним что-то случилось?

— Что вы, ничего не случилось, просто я
завтра улетаю к нему...

— Что я слышу, Лазарь? Говорят, вы играете
в метро на флейте?

— Пришлось научиться, Фима: с роялем
очень трудно быстро переходить из вагона в вагон.

— У вас повышенное давление, — говорит
врач пациенту-рыбаку.

— Это следствие рыбалки...

— Рыбалка, напротив, успокаивает...

— Согласен с вами, доктор. Но я ловлю рыбу
в запрещенном месте.

— Лева, за сколько ты пробежишь километр?

— Рублей за двадцать соглашусь...

— Каков ваш возраст, мадам? — спрашивает
судья.

— Я недавно подошла к тридцати, — отвечает
свидетельница.

— И что же вас так задержало в пути?

В театральном гардеробе. Жена мужу
шепотом:

— Ты с ума сошел! Гардеробщику на чай —
сто гривен!

— Да, но посмотри, какая шуба!!!

— Клара, зачем ты носишь обручальное
кольцо не на той руке?

— А я вышла замуж не за того человека.

Женился мужчина во второй раз и
спрашивает сына:

— Сынок, как тебе новая мама?

— Папа, тебя обманули, не такая уж она и
новая...

ВНИМАНИЕ!

Приглашаем клиентов Хеседа в клуб любителей домино
"ДУБЛЬ ШЕСТЬ"

В программе — игры, соревнования, турниры.
Встречи в Культурном центре Хеседа — ул. Нежинская, 77/79,
по понедельникам — с 16.00.

ВНИМАНИЕ!

При БФ "Хесед Шаарей Цион" продолжает работу Общественная приемная,
куда можно обратиться со всеми жалобами, предложениями и советами
по вторникам и пятницам с 10.00 до 14.00
(ул. Нежинская, 77/79, 2-й этаж, кабинет №227 "Волонтеры").

**ПОЗДРАВЛЯЕМ ЮБИЛАРОВ — КЛИЕНТОВ
БФ "ХЕСЕД ШААРЕЙ ЦИОН"****С 95-летием**

Калашникову Ольгу
Литинскую Екатерину

С 90-летием

Цепенюк Дебору

С 85-летием

Бейзераякова
Влашицкую Эллиу
Гойзбанд Милю
Горошину Фейгу

Дубицкую Веру

Сониса Зиновия

Черткову Брониславу

Ямпольскую Нелли

С 80-летием

Бердичевского Ефима
Благодарскую Феодосию
Гельмана Соломона
Главацкого Виктора
Горгиладзе Элеонору

Дубровского Павла

Кресина Герша

Кулагину Женю

Пухальскую Ивелину

Сирош Флорентину

Тамаркину Софию

Тульчинскую Фриду

Хавкину Диану

Хайкина Давида

Шнайдермана Наума

**ПОЗДРАВЛЯЕМ ИМЕЧНИЧКОВ — ВОЛОЧИТЕРОВ
БФ "ХЕСЕД ШААРЕЙ ЦИОН"**

Асютина Владимира

Гоппа Вячеслава

Добровольскую Марианну

Иванова Александра

Иофель Инессу

Кесельмана Ефима

Компаний Людмилу

Коппель Нелли

Корсунскую Инну

Низина Бориса

Пискунова Валерия

Полищука Якова

Шпикулу Веру

Учредитель и издатель —
БФ "ХЕСЕД ШААРЕЙ ЦИОН" (г. Одесса)

Некоммерческое издание. Распространяется бесплатно.
Реклама и объявления публикуются бесплатно.
Индекс издания — 09720

Свидетельство о госрегистрации 1153-34-Р, серия ОД, выдано 7 июня 2006 г.

Отпечатано в Одесской типографии ООО "ВМВ", ул. Добровольского, 82-а
Тираж — 3400 экз. Зак. №

Главный редактор
Семен ВАЙНБЛАТ
Редакционная коллегия:
А.Креймер, Ф.Мильштейн
Компьютерная верстка
И. Глаголевский

Присланные материалы
не рецензируются и не возвращаются.
Переписка с читателями —
только на страницах газеты.
Редакция оставляет за собой право
редактировать
и сокращать присланные материалы.
Ответственность за точность
фактов несут авторы

Адрес редакции:
65023, Одесса, ул. Нежинская, 77/79
Почтовый адрес:
65045, Одесса, а/я 110
Тел.: 737-40-12
E-mail: hesed.odessa@gmail.com